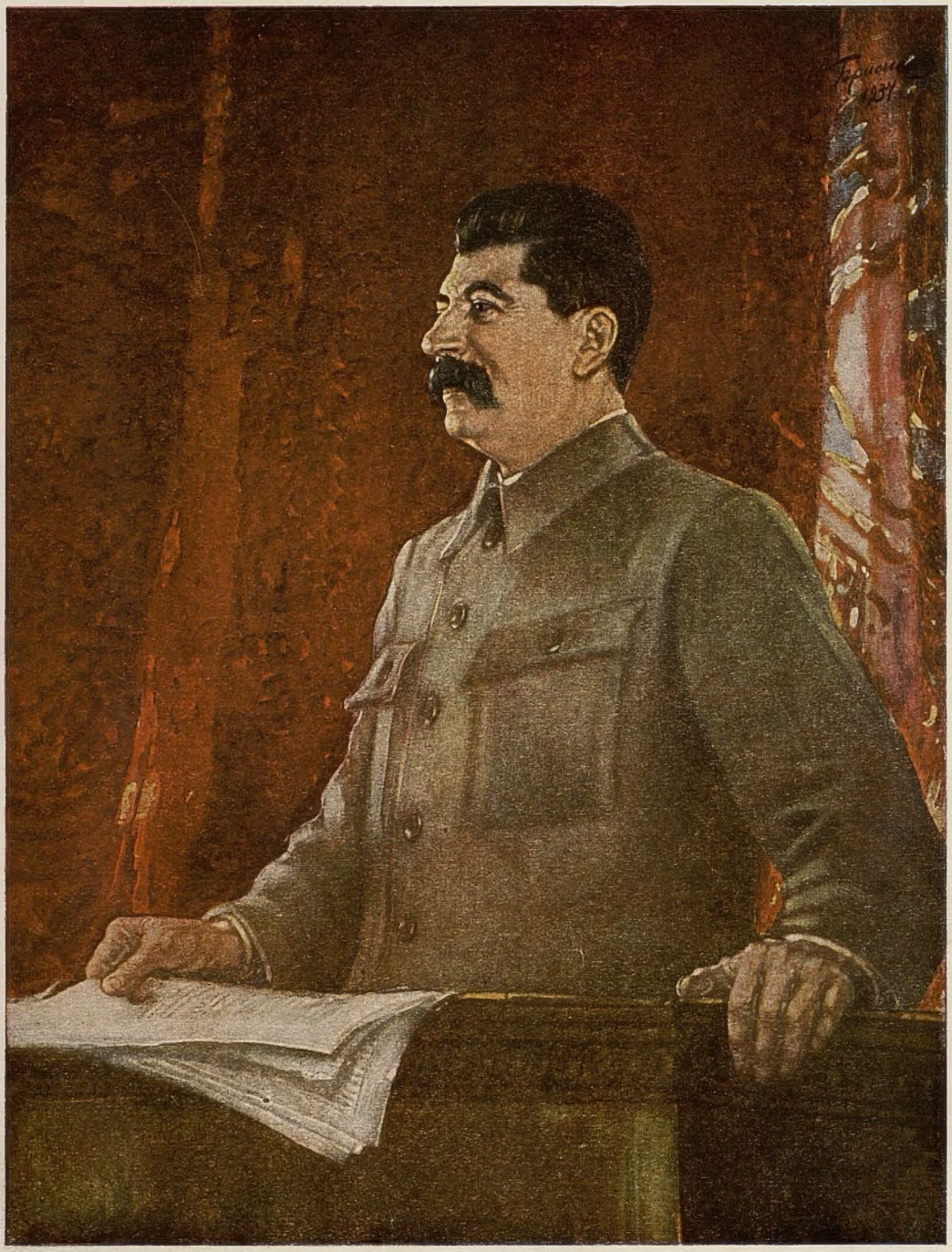
АК
Р24
Сталин

РАССКАЗЫ О СТАЛИНЕ

ЛИТИЗДАТ
ЦК ВЛКСМ
1939



И. В. Сталин. *С картины заслуж. деятеля искусств А. Герасимова.*

АК Сталин
Р24

РАССКАЗЫ О СТАЛИНЕ

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
ВСЕСОЮЗНОГО ЛЕНИНСКОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО
СОЮЗА МОЛОДЕЖИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

1939

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
569057 V

НА ШКОЛЬНОЙ СКАМЬЕ

Город Гори с юга и запада омывают Кура и Лиахва. Он окружен плодовыми садами. В городе возвышаются развалины древней крепости — памятника Средневековья.

В старом Гори было около восьми тысяч человек населения, много церквей, лавок, духанов и на весь тогдашний уезд четыре учебных заведения: городское четырехклассное училище, духовное четырехклассное, учительская семинария и женская прогимназия.

В этом городе в семье сапожника Виссариона Джугашвили в 1879 году родился мальчик, которому дали имя Иосиф.

В 1890 году, поступив в горийское духовное училище, я впервые встретился с одиннадцатилетним Иосифом Джугашвили.

Предметы у нас проходились на русском языке, и лишь два раза в неделю преподавали грузинский язык.

Я, будучи уроженцем Мингрелии, произносил грузинские слова с акцентом. Это дало повод ученикам смеяться надо мной. Иосиф же, наоборот, пришел мне на помощь.

Скромный и чуткий, он подошел ко мне и сказал:

— Ну, давай я буду учиться у тебя мегрельскому языку, а ты у меня — грузинскому.

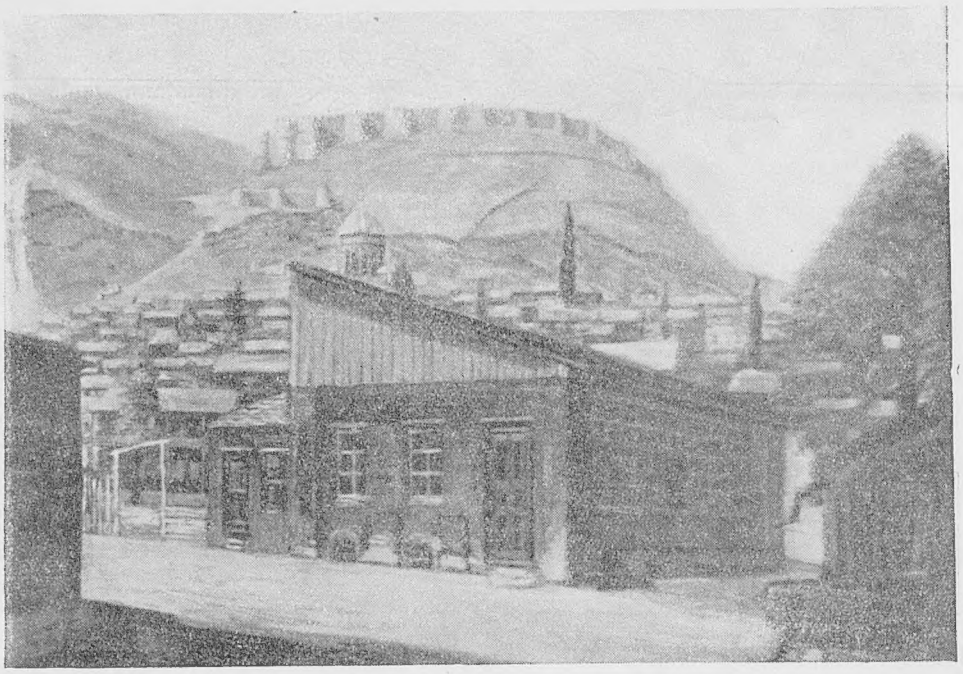
Это движение души товарища сильно растрогало меня.

Не одна только скромность отличала Иосифа. Большие способности и любознательность выделяли его среди учеников.

Обычно он был серьезен, настойчив, не любил шалостей и озорства. После занятий спешил домой, и всегда его видели за книгой.

Дядя мой, Виссарион Гогохия, в квартире которого я поселился, переехал в дом Кипшидзе. Здесь же, во дворе, жил Иосиф с матерью.

Их комната имела не более девяти квадратных аршин и находилась около кухни. Ход — со двора прямо в комнату, ни одной ступени. Пол был выложен кирпичом, небольшое окно ску-



Дом в Гори, в котором родился товарищ Сталин.

по пропускало свет. Вся обстановка комнаты состояла из маленького стола, табуретки и широкой тахты, вроде нар, покрытой «чилопи» — соломенной цыновкой.

Мать Иосифа имела скудный заработок, занимаясь стиркой белья и выпечкой хлеба в домах богатых жителей Гори. За комнату надо было платить полтора рубля в месяц, но не всегда удавалось скопить эти полтора рубля.

Тяжелая трудовая жизнь матери, бедность сказывались на характере Иосифа. Он не любил заходить к людям, живущим зажиточно. Несмотря на то, что я бывал у него по нескольку раз в день, он поднимался ко мне очень редко, потому что дядя мой жил по тем временам богато.

Отец Иосифа — Виссарион — проводил весь день в работе: шил и чинил обувь.

За что ни брался Иосиф, все усваивал глубоко и основательно. На подготовку к урокам у него уходило очень мало времени.

Благодаря своей исключительной памяти он, внимательно слушая педагога, запоминал урок и не нуждался в повторении.

Свободное от занятий время уходило на чтение книг. Он перечитал все, что было в школьной библиотеке, — произведения грузинских и русских классиков, — и по своему развитию и знаниям стоял намного выше своих школьных товарищей.

Это дало основание назначить ему одному ежемесячную стипендию.

★

Горийское духовное училище мы окончили в 1894 году. На выпускных экзаменах Иосиф особенно отличился. Помимо аттестата с круглыми пятерками, ему выдали похвальный лист, что для того времени являлось событием из ряда вон выходящим, потому что отец его был не духовного звания и занимался сапожным ремеслом.

Осенью того же 1894 года мы приехали в Тифлис — впервые в нашей жизни очутились в большом городе.

Нас ввели в четырехэтажный дом, в огромные комнаты общежития, в которых размещалось по двадцати-тридцати человек. Это здание и было тифлисской духовной семинарией.

Жизнь в духовной семинарии протекала однообразно и монотонно. Вставали мы в семь часов утра. Сначала нас заставляли молиться, потом мы пили чай, после звонка шли в класс. Дежурный ученик читал молитву «Царю небесный», и занятия продолжались с перерывами до двух часов дня. В три часа — обед, в пять часов вечера — перекличка, после которой выходить на улицу строго запрещалось.

Позже вели на вечернюю молитву, в восемь часов пили чай, затем расходились по классам — готовить уроки, а в десять часов — по койкам, спать. Мы чувствовали себя как бы в каменном мешке.

Сталин в юные годы. *С картины художника Д. Волгина*

Ученики не имели права обсуждать свои нужды и запросы. Все, что преподавалось, якобы означало непреложную истину. Горе любопытному и любознательному! Сомнениям не должно было быть места. Критические суждения о явлениях природы, о страницах священного писания считались кощунством.

Инспектор Абашидзе строго и придирчиво следил за пансионерами, за их образом мыслей, времяпрепровождением и, кроме того, позволял себе производить обыски. Обыскивал нас и наши личные ящики.

Семинарская атмосфера тяготила Иосифа Джугашвили. Он сразу понял, что преподаваемые в семинарии предметы не могут удовлетворить человека развитого.

Он жаждал знать основы всего происходящего в мире, доискивался до первопричины, добивался ясного понимания вопросов, на которые семинарский курс не давал ответа.

Иосиф не терял времени и энергии на усвоение легенд из священного писания и уже с первого класса стал интересоваться светской литературой, общественно-экономическими вопросами. В этом ему помогали ученики старших классов. Узнав о способном и любознательном Иосифе Джугашвили, они стали беседовать с ним и снабжать его журналами и книгами.

За год Иосиф настолько политически развился, вырос, что уже со второго класса стал руководить группой товарищей по семинарии.

Сталин самостоятельно составил план работы кружка и проводил с нами беседы. Однако вести кружок в стенах семинарии почти не представлялось возможным. Инспектор Абашидзе установил строгую слежку. Он чувствовал, что где-то что-то завелось, что молодежь, кроме священного писания, занимается еще чем-то иным, и нам пришлось подумать о месте сбора.

По предложению Иосифа, была снята комната за пять рублей в месяц под Давидовской горой. Там мы нелегально собирались один, иногда два раза в неделю в послеобеденные часы — до переклички.

Иосиф жил в пансионе, и денег у него не было, мы же получали от родителей посылки и деньги на мелкие расходы. Из этих средств платили за комнату.

Члены кружка были отобраны самим Иосифом по надежности и конспираторским способностям каждого.

Среди семинаристов были доносчики, которые сообщали инспектору Абашидзе о настроениях и занятиях учеников и в особенности Иосифа Джугашвили.

В кружке Иосиф читал нам произведения Игнатия Ниношвили, разъяснял теорию Дарвина о происхождении человека, а к концу года мы перешли к чтению политической экономии и отрывков из книг Маркса и Энгельса.

Духовное училище в Гори, в котором учился товарищ Сталин.

Мы следили также за сообщениями и дискуссиями на страницах газеты «Квали»[1]. Задавали Иосифу вопросы, и он разъяснял нам все просто, ясно, четко.

Иосиф не ограничивался устной пропагандой идей Маркса — Энгельса. Он создал и редактировал рукописный ученический журнал на грузинском языке, в котором освещал все спорные вопросы, обсуждавшиеся в кружке и на страницах «Квали».

Наш семинарский журнал представлял собою тетрадь страниц в тридцать. Журнал выходил два раза в месяц и передавался из рук в руки.

В этот период Иосиф был всецело поглощен политической литературой, но на покупку книг у него не было денег. И вот на помощь опять приходит его великолепная память. Он ходил к букинистам, останавливал взгляд свой на интересующей его книге, раскрывал ее и, пока букинист возился с покупателями, вычитывал и запоминал нужные ему места.

Революционное настроение среди семинаристов росло и крепло.

Споры и диспуты становились явлением обыденным. Рукописный журнал, печатная политическая литература и «Квали» заполняли карманы членов кружка.

---

[1] «К в а л и» («Борозда») — еженедельная газета на грузинском языке. В 1893 году издавалась под редакцией Г. Церетели как орган либерально-националистического направления. После раскола РСДРП «Квали» стала органом грузинских меньшевиков. Существовала до 1904 года.

Все это не могло пройти незамеченным. Инспектор Абашидзе усилил слежку, и нам стало труднее ускользать от наблюдения его прислужников.

Однажды вечером, когда мы готовили уроки, в классе неожиданно появился Абашидзе. Не найдя ничего предосудительного в ящиках, он стал обыскивать учеников.

На той же неделе после тщательного обыска инспектор нашел у Иосифа исписанную тетрадь со статьей для нашего рукописного журнала.

Абашидзе не замедлил выступить с материалом на заседании совета семинарии. В результате мы получили двойки по поведению и последнее предупреждение.

Беседы в кружке и постоянные дискуссии отражались на наших семинарских занятиях. Однако Иосиф, не затрачивая особых усилий, с легкостью перешел в следующий класс. Но успех этот не обманул начальство семинарии. Свирепый монах Абашидзе догадывался, почему талантливый, развитой, обладавший невероятно богатой памятью Джугашвили учится на «тройки». Он снова поднял этот вопрос на заседании совета семинарии, обрисовал наше увлечение политическими вопросами, охарактеризовал главенствующую роль Джугашвили во всем этом и добился постановления об исключении его из семинарии.

Так кончилась наша совместная школьная жизнь, прошли детские и юношеские годы.

Иосиф Джугашвили вышел из семинарии без диплома, но с определенными, твердыми взглядами на жизнь. Он уже знал и понимал, что ее надо расколоть и перестроить.

Меня же судьба закинула обратно в деревню. Отца не было в живых, и я должен был искать работу.

Иосиф не вернулся в Гори.

Он целиком погрузился в революционную работу.

Д. Гогохия

В НОЧЬ на 1 ЯНВАРЯ 1902 ГОДА

Рассказ старых батумских рабочих о встрече с товарищем Сталиным

Сегодня, в канун нового, 1937 года в счастливой стране победившего социализма нам, старикам, хочется вспомнить и рассказать молодому поколению о другой новогодней ночи, проведенной нами вместе с великим Сталиным, о ночи, которая сохранилась в нашей памяти навсегда, на всю жизнь.

Все мы, кто повествует сегодня об этой ночи, работали тогда, тридцать пять лет назад, в городе Батуме на заводе капиталиста Ротшильда. Вместе с нами встречали тогда Новый год также рабочие других заводов: с Манташевского завода, железнодорожники, наборщики, но многих из них уже нет в живых. Остались вот мы только, бывшие рабочие завода Ротшильда.

Страшное это было время. Мы работали по двенадцати, четырнадцати, шестнадцати часов, и нам платили гроши. Мы жили в грязных, тесных лачугах, наши семьи оставались всегда раздетыми, разутыми, голодными. А хозяевам заводов, кровопийцам, было все мало. Они душили рабочих еще и штрафами. Один из нас — Порфирий Ломджария, бывший рабочий лесного цеха завода Ротшильда — хорошо запомнил такой случай. Сломался раз у одного рабочего кончик ножа. Этого рабочего, во-первых, зверски избили (вообще били нас жестоко на всех заводах), а во-вторых, оштрафовали на сумму, равную стоимости всего ножа. Таких случаев можно припомнить сотни и тысячи.

Где-то в глубине сердца таилась злоба и ненависть к хозяевам. Но жили мы врозь, думали и страдали в одиночку. Злобу и ненависть к господам, мечты и чаяния о другой жизни, о светлых днях каждый таил в себе, боясь высказать свои чувства, свои желания друг другу.

И никто не решался заговорить о самом важном, о главном: о хлебе, о жилье, о голодных, раздетых ребятишках, о человеческих правах, о борьбе с лютым врагом — капиталистом, об организации рабочих...

Не было тогда в Батуме такого человека — сильного, волевого, честного, знающего нужды, мечты, настроение рабочих, умеющего объединять, направлять, учить борьбе, закалять нашу волю, воспитывать, готовить к боям с самодержавием, с проклятым капиталистическим строем.

Но вот дождались мы настоящего человека, настоящего вожака, настоящего учителя. В конце ноября в 1901 году в Батум приехал товарищ Сталин, инициатор и создатель первого тифлисского выборного комитета РСДРП ленинско-искровского направления. В Батум он был послан тифлисским комитетом РСДРП для создания батумской социал-демократической организации.

Приезд молодого Сталина в Батум рабочие почувствовали очень быстро, так же, как быстро он сумел связаться с нужными людьми, обеспечить несколько конспиративных квартир, условных мест для встреч, собраний, митингов. Познакомившись с некоторыми передовыми, надежными рабочими, он скоро стал нащупывать через них, откуда и кого можно привлекать на собрания. С поразительной быстротой и необыкновенным чутьем узнавал он людей. Достаточно ему было одной встречи, пожалуй даже одного взгляда, одной реплики, чтобы угадать, безошибочно определить, годен ли этот человек для такой большой и ответственной работы, какую Сталин разворачивал в Батуме.

Он стал создавать на предприятиях кружки из рабочих. За какие-нибудь две-три недели им было создано в Батуме одиннадцать таких кружков. Во главе их стояли старосты, или, как их тогда называли, «атистави», что значит на русском языке «десятник», ибо в кружках было у нас тогда по десяти человек. Всеми этими кружками руководил он, двадцатидвухлетний Сталин.

Мы уже узнали его как талантливого организатора, опытного, тонкого, расчетливого конспиратора. Теперь мы почувствовали Сталина и как блестящего знатока жизни рабочих, условий их труда, великолепного пропагандиста, неутомимого агитатора.

Подходил к концу 1901 год. Одиннадцать кружков регулярно занимались под руководством товарища Сталина. Передовые рабочие батумских заводов, входившие в эти кружки, и те, кто слышал хотя бы один раз товарища Сталина на собрании, уже хорошо его знали, горячо полюбили этого страстного революционера, умевшего замечательно просто, красочно и спокойно растолковать рабочему все насущные вопросы, и с нетерпением всегда ждали его появления.

Нелегальный приезд товарища Сталина из ссылки в 1904 году в Тбилиси.
С картины художника А. Цижакуридзе.

В конце декабря, за неделю или за две до Нового года, товарищ Сталин поделился кое с кем из нас замечательной мыслью. Он предложил собрать в надежном месте группу передовых, проверенных уже рабочих с разных заводов, старост кружков и провести это собрание в ночь под 1 января 1902 года под видом встречи Нового года. Предложение это было настолько остроумно, что оно было сразу встречено одобрением.

Стали намечать место встречи. Это было самым главным в организации предложенного товарищем Сталиным собрания. Остановились на квартире Сильвестра Ломджария, по Кладбищенской улице, в доме №12. Она отвечала всем требованиям конспирации. Стоял этот дом в пустынном, глухом месте, к тому же у Сильвестра была одна просторная комната, в которой могло свободно разместиться человек тридцать. Но даже в таком надежном месте следовало до конца инсценировать вечеринку встречи Нового года. Решили сложиться рубля по два и закупить все необходимое, чтобы создать полную иллюзию встречи Нового года.

Место и время встречи заранее знали все, кто должен был присутствовать. Состав участников намечал сам товарищ Сталин.

И вот наступил этот день. Мы ждали его с большим нетерпением. Очень хотелось познакомиться друг с другом. В эту ночь многие из нас встретились вместе впервые, и ознакомление актива было одной из целей организованного товарищем Сталиным собрания. Очень хотелось еще и еще раз послушать нашего любимого организатора, учителя, пропагандиста, вождя. Еще и еще раз заглянуть в его умные, проницательные глаза, послушать его спокойный голос, произносящий глубоко западающие в память и сознание слова.

Собрались мы к Сильвестру Ломджария лишь с наступлением темноты. Приходили по одному, по два, не больше. Входили в дом не сразу: сначала оглядывались, не следит ли кто. И, уже убедившись в безопасности, шагали по бревенчатому настилу через канавку и входили в дом.

В ту памятную ночь на историческом сталинском собрании присутствовали Сильвестр и Порфирий Ломджария, Коция Канделаки, Михаил Габуния, Порфирий Куридзе, Фридон Ломтадидзе, Теофил Гогиберидзе, Константин Каландаров, Иосиф Дудучава, Мириан Хомерики, Кишварди Церцвадзе и другие. Последними пришли товарищ Сталин с Каландаровым.

С появлением товарища Сталина сразу стало как-то веселее. Люди почувствовали непринужденность. Это его обычное качество — сближать, роднить людей — в ту ночь мы почувствовали и узнали как никогда.

Он знал всех собравшихся. Знал уже и слабости отдельных людей. Для каждого у него находилась или шутка, или ласковое

ТОВАРИЩ СТАЛИН — РУКОВОДИТЕЛЬ РАБОЧЕЙ ДЕМОНСТРАЦИИ В БАТУМИ (1902 г.)

С картины художн. А. Кутателадзе

Нелегальное собрание на Ходжеванском кладбище в Тбилиси во главе с товарищем Сталиным. *С картины художника Гиголашвили.*

слово, или легкий упрек, брошенный как бы мимоходом. Так с самого начала этого необычного собрания создалась очень интимная и вместе с тем вполне деловая обстановка. В этом также проявилось мастерство товарища Сталина, мастерство революционера-профессионала, чуткого знатока людей, организатора, учителя.

Уселись за стол. Товарищ Сталин напомнил нам, что собрались мы для серьезного дела. Предельно просто разъяснил он цель этого собрания. Никогда, никогда не забыть этих слов, этого голоса! Никогда, никогда не забыть этой волнующей ночи, последней ночи 1901 года!

Он говорил нам:

— Поглядите вокруг себя: вот здесь стоят заводы, фабрики, мастерские, пароходы. Кто все это создал, кто все это построил, кто все это приводит в движение? Это создали рабочие, это построили рабочие, это приводят в движение рабочие своими собственными руками, своими мускулами, своим потом. А кому все это принадлежит? Кто всем этим пользуется? Все это принадлежит и всем этим пользуется другой. Имя ему — самодержавие. Имя ему — капитализм. Имя ему — помещик. Имя ему — поп.

Мы слушали нашего Сталина, стараясь не кашлянуть, стараясь запомнить каждое слово, каждую интонацию, каждый жест. И было легко его слушать, ибо он говорил, как всегда, спокойно, негромко, отчетливо. Он блестяще умел доносить до самого сердца слушателей слова, полные глубокой, настоящей правды, и он оставил эти слова в наших умах и сердцах на всю жизнь.

Он говорил нам дальше, что у рабочего есть только один путь борьбы со своими врагами — с самодержавием, капиталистами, помещиками. Этот путь — в создании крепкой, боевой, сплоченной, дисциплинированной рабочей партии. Он говорил о качествах, необходимых для членов такой организации, о беспредельной преданности идеям, борьбе, делу рабочего класса; о лишениях, связанных с членством в такой организации; о суровых условиях подполья.

Он говорил так убедительно, понятно и просто, что многим из нас казалось в эти минуты, что товарищ Сталин уже не месяц с нами, а многие годы, что эти слова его прозвучали для нас очень давно и уже крепко вросли в наше сознание. И один из участников собрания, Михаил Габуния, не смог сдержать охватившего его волнения. Он вскочил и громко произнес слова клятвы: «Я не хочу умереть в своей постели, как жалкий трус! Я хочу отдать все свои силы, всю жизнь этой борьбе!»

Это волнение передалось всем нам, сидящим вокруг Сталина. Его слова зажгли нас, они словно наполнили нас новой кровью, новой бодростью, новыми надеждами.

Кто-то предлагал тосты. Надо было все-таки делать вид, что мы пьем, веселимся, встречаем Новый год.

Не один из нас подумал тогда, как много товарищ Сталин уже сделал для нас, как много он уже сделал с самими нами. Он внес в наши умы новые идеи, новые мысли, отчеканив их, как это он умел делать, по-сталински. Он открыл нам глаза на многое, что до его приезда было для нас скрытым, упрятанным. Он научил нас видеть и в грузине, и в армянине, и в тюрке, и в греке прежде всего его классовую принадлежность.

А как сильна была вражда между тюрками и армянами, между русскими и евреями, вражда, которую насаждали и разжигали царское правительство и националисты! Только с приездом товарища Сталина мы поняли, какими шовинистами были «просветители» Чхеидзе и Рамишвили.

Среди нас сидело в эту ночь несколько железнодорожных рабочих. Товарищ Сталин с первых же дней своей работы в Батуме поставил вопрос о необходимости создания кружка среди железнодорожников, о привлечении железнодорожных рабочих в организацию. Он объяснял нам, почему это так важно. Железная дорога — это и транспорт и связь. Можно перебрасывать людей, литературу...

Сталин на митинге бакинских нефтяников. *С картины художника В. Сидамон-Эристави.*

Вот товарищ Сталин обращается к Сильвестру Ломджария. Внимательно прислушиваемся к словам учителя, ибо они важны не только для Сильвестра.

— Вы, Сильвестр, — говорит товарищ Сталин, — поднялись уже на одну ступеньку по своей служебной лестнице. Администрация завода выдвинула вас из чернорабочих в приказчики. Администрация подмаслила вас. Смотрите, Сильвестр, не станьте мягким и податливым от этого подмасливания. Путь этот скользкий. Вот так вербуют фабриканты для себя верных слуг. Вот так они готовят штрейкбрехеров, предателей рабочего класса.

Все мы выпили за Сильвестра, за стойкость, за верность делу рабочего класса и крепко запомнили этот мудрый сталинский тост.

Сильвестр ответил товарищу Сталину тостом, в котором была выражена наша общая пламенная любовь к нашему учителю.

Сильвестр сказал:

— Ты первый факел для батумских рабочих. Желаем тебе светить так же ярко для рабочего класса долгие, долгие годы.

Зимняя ночь промелькнула быстро. Всем было жаль уходить, расставаться. В эту историческую ночь под руководством товарища Сталина была оформлена батумская социал-демократическая организация и выделена руководящая партийная группа во главе с товарищем Сталиным, игравшая роль батумского комитета РСДРП.

...В окна уже заглянула первая весточка наступающего дня, первого дня 1902 года — алая полоска рассвета.

— Уже светает, — сказал товарищ Сталин. — Пора расходиться. Скоро взойдет солнце. Пройдут годы, и это солнце будет светить для нас, для наших детей и внуков. Я пожелаю всем нам, чтобы мы скоро могли собираться, уже не таясь в тесных комнатушках, а свободно, на просторном поле, на вольном воздухе...

Взволнованные, мы думали о нашем светлом будущем.

Расходились снова по одному, по два.

Так мы встречали Новый год с великим Сталиным.

Группа старых батумских рабочих.

ТВЕРДОКАМЕННЫЙ БОЛЬШЕВИК[1]

О товарище Сталине сегодня пишет весь мир. Будет написано немало и впредь. Иначе и быть не может. О человеке, прожившем пятьдесят лет, из них более тридцати лет проведшем в революционном водовороте, в настоящее время стоящем во главе коммунистического движения всего мира, конечно, напишут — и напишут разно: враги будут писать с ненавистью, друзья — с любовью.

И тем не менее едва ли кто даст исчерпывающую характеристику товарища Сталина как пролетарского революционера — политика, организатора и товарища.

Лично я хочу сказать только несколько слов о товарище Сталине — большевике. Свою революционную деятельность товарищ Сталин начал в Грузии. С первых же дней борьбы между меньшевиками и большевиками—товарищ Сталин безоговорочно на стороне Ленина и уже с начала 1905 года становится признанным руководителем большевиков, сперва Грузии, а в последующие годы всего Закавказья. Сталин уже в это время является для меньшевиков самым ненавистным из всех кавказских большевиков. В мелкобуржуазной крестьянской Грузии меньшевики одерживают победу над нами. Грузия становится цитаделью меньшевизма. Кавказские большевики переносят центр своей деятельности в пролетарский Баку, и здесь в 1907 году вернувшийся с Лондонского съезда товарищ Сталин становится во главе большевиков и ведет непримиримую борьбу с меньшевиками. Через два месяца огромное большинство бакинской организации на нашей стороне. Меньшевики, не желая подчиниться воле большинства организации, учиняют раскол и сами же поднимают лицемерный крик о расколе, произведенном товарищем Сталиным в бакинской организации. Сталина мало смущает раскол с мень-

[1] Статья написана товарищем Серго Орджоникидзе к пятидесятилетию товарища Сталина. — *Ред.*

ИСТОРИЧЕСКАЯ
569057

Сталин, Ворошилов и Орджоникидзе на совещании стахановцев (1935 год).

шевиками. Большевики продолжают организацию бакинского пролетариата.

Осенью 1907 года бакинским пролетариатом поднимается борьба вокруг коллективного договора и совещания с нефтепромышленниками. Перед бакинской организацией стал вопрос: принять участие или бойкотировать совещание с нефтепромышленниками? Одна часть большевиков готова была итти на совещание безоговорочно. Другая часть большевиков, во главе со Сталиным, поставила вопрос таким образом: на совещание итти, но при условии, что нефтепромышленники признают договаривающейся стороной не рабочих отдельных заводов и промыслов, а профсоюзы; что гарантирована будет свобода выборов делегатов от рабочих, их неприкосновенность и свобода печати. Точка зрения товарища Сталина среди большевиков победила, и мы в конце 1907 года развернули грандиозную кампанию по выработке наказов и выбору делегатов. Что-то около десяти дней или же двух недель в Баку свободно заседал рабочий парламент. Это в то время, когда в России уже торжествовала черная реакция. Наконец она докатилась и до Баку, и товарища Сталина упрятали в Баиловскую тюрьму (Баку). В это время происходит раскол среди большевиков за границей — между Лениным и Богдановым (будущим впередовцем). Бакинские большевики, во главе

с товарищем Сталиным, без малейшего колебания становятся на сторону Ленина.

Сталин был и остается верным учеником Ленина. Не было ни одного случая, когда бы он расходился с Лениным. Ленин знал, с кем имел дело. Высоко ценил и доверял ему. Когда в начале 1912 года наметился новый подъем рабочего движения и Ленин окончательно организационно (Прага, 1912 год) порвал с меньшевиками и стал строить самостоятельно большевистскую партию, на Пражской конференции в то время находившийся в ссылке Сталин был избран в Центральный комитет и поставлен во главе русского бюро ЦК.

И вот, когда теперь всякие Троцкие пишут и говорят о роли товарища Сталина в истории нашей партии и революционного движения в России, они забывают одну небольшую мелочь — это то, что в те годы черной реакции, когда создавались и строились наши большевистские организации в России — будущие колонны, штурмовавшие твердыни капитализма в Октябрьские дни, — товарищ Сталин был верным учеником Ленина, беззаветно отдававшим всю свою энергию, весь свой организаторский талант на создание большевистской организации в России, а господа Троцкие вели в это время жестокую борьбу против Ленина и его партии. Надо было быть безгранично преданным идеям Ленина, чтобы в годы идейного разброда и организационного развала оставаться верным великому учителю. Таким непоколебимо верным был товарищ Сталин.

Характерными чертами товарища Сталина были и остаются его верность ленинизму, железная воля претворения ленинизма в жизнь и огромный организаторский талант. Во весь рост Сталин стал перед нами после смерти Владимира Ильича. Борьба партии с троцкизмом и правыми была проведена под руководством товарища Сталина. Победа троцкистов и правых грозила гибелью советской власти. Наша партия под руководством товарища Сталина отстояла ленинские позиции перед натиском мелкобуржуазных идеологов, Троцкого и правых, и вывела Советский Союз на широкую дорогу социалистического строительства, сплотив всю партию железным единством вокруг ленинского Центрального комитета. Разгром троцкистов и правых является дальнейшей победой Октябрьской революции, ее организатора и вдохновителя Владимира Ильича Ленина. Эту победу одержали партия и ее ЦК под руководством его ученика — Сталина.

Пусть враги мирового коммунизма с ненавистью произносят его имя, — мы со всей искренностью пожелаем товарищу Сталину крепкого здоровья и еще бо́льших успехов на путях строительства социализма в СССР и победы мировой пролетарской революции под знаменем ленинизма.

С. Орджоникидзе

СТАЛИН И КРАСНАЯ АРМИЯ

Мирный, строительный период нашей истории наполнен событиями величайшего значения. За последние годы действительно утекли не реки, а океаны воды. Кругом нас произошли громадные изменения, в другом виде представились наши перспективы, совершенно перевернулись общепризнанные масштабы и объемы. Со всеми этими событиями неразрывно связана богатая и многогранная революционная деятельность товарища Сталина. За последние пять-шесть лет товарищ Сталин стоял в фокусе развертывающейся и клокочущей борьбы. Только этими обстоятельствами и можно объяснить, что значение товарища Сталина, как одного из самых выдающихся организаторов побед гражданской войны, было до некоторой степени заслонено и не получило еще должной оценки.

Сегодня, в день пятидесятилетия нашего друга, я хочу хоть отчасти заполнить этот пробел [1].

Разумеется, в газетной статье я менее всего претендую на полную характеристику военной работы товарища Сталина. Я хочу только попытаться освежить в памяти товарищей несколько фактов из недавнего прошлого, опубликовать некоторые малоизвестные документы, чтобы простым свидетельством фактов указать на ту поистине исключительную роль, которую играл товарищ Сталин в напряженные моменты гражданской войны.

В период 1918—1920 годов товарищ Сталин являлся, пожалуй, единственным человеком, которого Центральный комитет бросал с одного боевого фронта на другой, выбирая наиболее опасные, наиболее страшные для революции места. Там, где было относительно спокойно и благополучно, где мы имели успехи,— там не было видно Сталина. Но там, где в силу целого ряда при-

[1] Настоящая статья написана товарищем Ворошиловым десять лет назад, к пятидесятилетию со дня рождения товарища Сталина. — *Ред.*

чин трещали красные армии, где контрреволюционные силы, развивая свои успехи, грозили самому существованию советской власти, где смятение и паника могли в любую минуту превратиться в беспомощность, катастрофу, — там появлялся товарищ Сталин. Он не спал ночей, он организовывал, он брал в свои твердые руки руководство, он ломал, был беспощаден и — создавал перелом, оздоровлял обстановку. Сам товарищ Сталин писал об этом в одном из писем в ЦК в 1919 году, говоря, что его «превращают в специалиста по чистке конюшен военного ведомства».

ЦАРИЦЫН

Свою военную работу товарищ Сталин начал с царицынского фронта, и довольно случайно. В начале июня 1918 года товарищ Сталин с отрядом красноармейцев и двумя автоброневиками направляется в Царицын в качестве руководителя всем продовольственным делом юга России. В Царицыне он застает невероятный хаос не только в советских, профессиональных и партийных организациях, но еще бо́льшую путаницу и неразбериху в органах военного командования. Товарищ Сталин на каждом шагу наталкивается на препятствия общего характера, мешающие ему выполнить его прямую задачу. Эти препятствия обуславливались прежде всего быстро растущей казачьей контрреволюцией, которая получала в это время обильную поддержку от немецких оккупантов, занявших Украину. Казачьи контрреволюционные банды вскоре захватывают ряд близлежащих от Царицына пунктов и тем самым не только срывают возможность планомерной заготовки хлеба для голодающих Москвы и Ленинграда, но и для Царицына создают чрезвычайную опасность.

Не лучше обстоит в это время дело и в других местах. В Москве происходит лево-эсеровское восстание, на востоке изменяет Муравьев, на Урале развивается и крепнет чехо-словацкая контрреволюция, на крайнем юге — к Баку подбираются англичане. Все горит в огненном кольце. Революция переживает величайшие испытания. Телеграмма за телеграммой летит по проводам к товарищу Сталину в Царицын от Ленина и обратно. Ленин предупреждает об опасностях, ободряет, требует решительных мер. Положение Царицына приобретает громадное значение. При восстании на Дону и при потере Царицына мы рискуем потерять весь производящий, богатый хлебный Северный Кавказ. И товарищ Сталин это отчетливо понимает. Как опытный революционер он скоро приходит к убеждению, что его работа будет иметь какой-нибудь смысл только при условии, если он сможет влиять на военное командование, роль которого в данных условиях становится решающей.

«Линия южнее Царицына еще не восстановлена», пишет он Ленину в записке от 7 июля, переданной с характерной надписью: «Спешу на фронт, пишу только по делу».

«Гоню и ругаю всех, кого нужно, надеюсь, скоро восстановим. Можете быть уверены, что не пощадим никого — ни себя, ни других, а хлеб все же дадим.

Если бы наши военные «специалисты» (сапожники!) не спали и не бездельничали, линия не была бы прервана; и если линия будет восстановлена, то не благодаря военным, а вопреки им».

И далее, отвечая на беспокойство Ленина по поводу возможного выступления левых эсеров в Царицыне, он пишет кратко, но твердо и ясно:

«Что касается истеричных, будьте уверены, у нас рука не дрогнет, с врагами будем действовать по-вражески».

Все более присматриваясь к военному аппарату, товарищ Сталин убеждается в его полной беспомощности, а в некоторой своей части — и прямом нежелании организовать отпор наглеющей контрреволюции.

И уже 11 июля 1918 года товарищ Сталин телеграфирует Ленину:

«Дело осложняется тем, что штаб Северокавказского округа оказался совершенно неприспособленным к условиям борьбы с контрреволюцией. Дело не только в том, что наши «специалисты» психологически неспособны к решительной войне с контрреволюцией, но также в том, что они как «штабные» работники, умеющие лишь «чертить чертежи» и давать планы переформировки, абсолютно равнодушны к оперативным действиям... И вообще чувствуют себя как посторонние люди, гости. Военкомы не смогли восполнить пробел...»

Товарищ Сталин не ограничивается этой уничтожающей характеристикой; в этой же записке он делает для себя действенный вывод:

«Смотреть на это равнодушно, когда фронт Калнина (командующий в то время на Северном Кавказе. — *К. В.*) оторван от пункта снабжения, а север — от хлебного района, считаю себя не в праве. Я буду исправлять эти и многие другие недочеты на местах, я принимаю ряд мер и буду принимать вплоть до смещения губящих дело чинов и командиров, несмотря на формальные затруднения, которые при необходимости буду ломать. При этом понятно, что беру на себя всю ответственность перед всеми высшими учреждениями».

Обстановка становилась все более и более напряженной. Товарищ Сталин развивает колоссальную энергию и в самое короткое время из чрезвычайного уполномоченного по продовольствию превращается в фактического руководителя всех красных сил

И. В. Сталин и В. И. Ленин (1919 год).

царицынского фронта. Это положение получает оформление в Москве, и на товарища Сталина возлагаются задачи:

«навести порядок, объединить отряды в регулярные части, установить правильное командование, изгнав всех неповинующихся» (из телеграммы РВС Республики с надписью: «Настоящая телеграмма отправляется по согласованию с Лениным»).

К этому времени к Царицыну подошли остатки украинских революционных армий, отступающих под натиском германских войск через донские степи.

Во главе с товарищем Сталиным создается Революционный военный совет, который приступает к организации регулярной армии. Кипучая натура товарища Сталина, его энергия и воля сделали то, что казалось еще вчера невозможным. В течение самого короткого времени создаются дивизии, бригады и полки. Штаб, органы снабжения и весь тыл радикальнейшим образом очищаются от контрреволюционных и враждебных элементов. Советский и партийный аппарат улучшается и подтягивается. Вокруг товарища Сталина объединяется группа старых большевиков и революционных рабочих, и вместо беспомощного штаба вырастает на юге, у ворот контрреволюционного Дона, красная, большевистская крепость.

Царицын в тот период был переполнен контрреволюционерами всевозможных мастей, от правых эсеров и террористов до махровых монархистов. Все эти господа до появления товарища Сталина и прибытия революционных отрядов с Украины чувствовали себя почти свободно и жили, выжидая лучших дней. Чтобы обеспечить реорганизацию красных сил на фронте, нужно было железной, беспощадной метлой прочистить тыл. Реввоенсовет во главе с товарищем Сталиным создает специальную Чека и возлагает на нее обязанность очистить Царицын от контрреволюции.

Свидетельство врага иногда бывает ценно и интересно. Вот как в белогвардейском журнале «Донская волна» от 3 февраля 1919 года описывает этот период и роль товарища Сталина изменивший нам и перебежавший к красновцам полковник Носович (бывший начальник оперативного управления армии):

«Главное назначение Сталина было снабжение продовольствием северных губерний, и для выполнения этой задачи он обладал неограниченными полномочиями...

Линия Грязи — Царицын оказалась окончательно перерезанной. На севере осталась лишь одна возможность получать припасы и поддерживать связь: это — Волга. На юге, после занятия добровольцами Тихорецкой, положение стало тоже весьма шатким. А для Сталина, черпающего свои запасы исключительно из Ставропольской губернии, такое положение граничило с окончанием его миссии на юге. Но не в правилах, очевидно, такого человека, как Сталин, уходить от раз начатого им дела. Надо отдать справедливость ему, что его энергии может позавидовать любой из старых администраторов, а способности применяться к делу и обстоятельствам следовало бы поучиться многим.

Постепенно, по мере того как он оставался без дела, вернее, попутно с уменьшением его прямой задачи, Сталин начал входить во все отделы управления городом, а главным образом в широкие задачи обороны Царицына, в частности и всего кавказского, так называемого революционного фронта вообще».

И далее, переходя к характеристике положения в Царицыне, Носович пишет:

«К этому времени в Царицыне вообще атмосфера сгустилась. Царицынская чрезвычайка работала полным темпом. Не проходило дня без того, чтобы в самых, казалось, надежных и потайных местах не открывались бы различные заговоры. Все тюрьмы города переполнились...

Борьба на фронте достигла крайнего напряжения...

Главным двигателем и главным вершителем всего с 20 июля оказался Сталин. Простой переговор по прямому проводу с центром о неудобстве и несоответствии для дела настоящего устройства управления краем привел к тому, что Москва отдала по пря-

ПРИЕЗД ТОВАРИЩА СТАЛИНА В ПЕРВУЮ КОННУЮ

С картины художн. Н. И. Авилова

мому проводу приказ, которым Сталин ставился во главе всего военного... и гражданского управления...»

Но сам Носович признает дальше, насколько эти репрессии имели основание. Вот что он пишет о контрреволюционных организациях Царицына:

«К этому времени и местная контрреволюционная организация, стоящая на платформе учредительного собрания, значительно окрепла и, получив из Москвы деньги, готовилась к активному выступлению для помощи донским казакам в деле освобождения Царицына.

К большому сожалению, прибывший из Москвы глава этой организации инженер Алексеев и его два сына были мало знакомы с настоящей обстановкой, и, благодаря неправильно составленному плану, основанному на привлечении в ряды активно выступающих сербского батальона, бывшего на службе у большевиков при чрезвычайке, организация оказалась раскрытой...

Резолюция Сталина была короткая: «Расстрелять». Инженер Алексеев, его два сына, а вместе с ними значительное количество офицеров, которые частью состояли в организации, а частью лишь по подозрению в соучастии в ней, были схвачены чрезвычайкой и немедленно, без всякого суда, расстреляны».

Переходя затем к разгрому и очищению тыла (штаба Северокавказского округа и его учреждений) от белогвардейцев, Носович пишет:

«Характерной особенностью этого разгона было отношение Сталина к руководящим телеграммам из центра. Когда Троцкий, обеспокоенный разрушением с таким трудом налаженного им управления округов, прислал телеграмму о необходимости оставить штаб и комиссариат на прежних условиях и дать им возможность работать, то Сталин сделал категорическую и многозначащую надпись на телеграмме:

«Не принимать во внимание».

Так эту телеграмму и не приняли во внимание, а все артиллерийское и часть штабного управления продолжает сидеть на барже в Царицыне».

Физиономия Царицына в короткий срок стала совершенно неузнаваема. Город, в садах которого еще недавно гремела музыка, где сбежавшаяся буржуазия вместе с белым офицерством открыто, толпами бродила по улицам, превращается в красный военный лагерь, где строжайший порядок и воинская дисциплина господствовали надо всем. Это укрепление тыла немедленно сказывается благотворно на настроении наших полков, сражающихся на фронте. Командный и политический состав и вся красноармейская масса начинают чувствовать, что ими управляет твердая революционная рука, которая ведет борьбу за интере-

И. В. Сталин и К. Е. Ворошилов (1920 год).

сы рабочих и крестьян, беспощадно карая всех, кто встречается на пути этой борьбы.

Руководство товарища Сталина не ограничивается кабинетом. Когда необходимый порядок наведен, когда восстановлена революционная организация, он отправляется на фронт, который к тому времени растянулся на 600 *км* с лишком. И нужно было быть Сталиным и обладать его крупнейшими организаторскими способностями, чтобы, не имея никакой военной подготовки (товарищ Сталин никогда не служил на военной службе!), так хорошо понимать специальные военные вопросы в тогдашней чрезмерно трудной обстановке.

Помню, как сейчас, начало августа 1918 года. Красновские казачьи части ведут наступление на Царицын, пытаясь концентрическим ударом сбросить красные полки на Волгу. В течение многих дней красные войска во главе с коммунистической дивизией, сплошь состоявшей из рабочих Донбасса, отражают исключительной силы натиск прекрасно организованных казачьих частей. Это были дни величайшего напряжения. Нужно было видеть товарища Сталина в это время. Как всегда, спокойный, углубленный в свои мысли, он буквально целыми сутками не спал, распределяя свою интенсивнейшую работу между боевыми

позициями и штабом армии. Положение на фронте становилось почти катастрофическим. Красновские части под командованием Фицхалаурова, Мамонтова и других хорошо продуманным маневром теснили наши измотанные, несшие огромные потери войска. Фронт противника, построенный подковой, управшейся своими флангами в Волгу, с каждым днем сжимался все больше и больше. У нас не было путей отхода. Но Сталин о них и не заботился. Он был проникнут одним сознанием, одной единственной мыслью — победить, разбить врага во что бы то ни стало. И эта несокрушимая воля Сталина передавалась всем его ближайшим соратникам, и, невзирая на почти безвыходное положение, никто не сомневался в победе.

И мы победили. Разгромленный враг был отброшен далеко к Дону.

ПЕРМЬ

В конце 1918 года создалось катастрофическое положение на восточном фронте и особенно на участке III армии, вынужденной сдать Пермь. Охваченная противником полукольцом, эта армия к концу ноября была окончательно деморализована. В результате шестимесячных бессменных боев, при отсутствии сколько-нибудь надежных резервов, при необеспеченности тыла, отвратительно налаженном продовольствии (29-я дивизия 5 суток отбивалась буквально без куска хлеба), при 35-градусном морозе, полном бездорожье, огромной растянутости фронта (более 400 *км*), при слабом штабе III армия оказалась не в состоянии устоять против натиска превосходных сил противника.

Для полноты безотрадной картины надо прибавить массовые измены командного состава из бывших офицеров, сдачу в плен целых полков как результат плохого классового отбора пополнений и никуда не годное командование. В такой обстановке III армия окончательно развалилась, беспорядочно отступала, проделав за 20 дней 300 *км* и потеряв за эти дни 18 тысяч бойцов, десятки орудий, сотни пулеметов и т. д. Противник стал быстро продвигаться вперед, создавая реальную угрозу Вятке и всему восточному фронту.

Эти события поставили перед ЦК вопрос о необходимости выяснить причины катастрофы и привести немедленно в порядок части III армии. Кого послать для выполнения этой труднейшей задачи? И Ленин телеграфирует тогдашнему председателю РВСР:

«Есть ряд партийных сообщений из-под Перми о катастрофическом состоянии армии и о пьянстве. Я думал послать Сталина — боюсь, что Смилга будет мягок к . . . , который тоже, говорят, пьет, и не в состоянии восстановить порядок».

ЦК принимает решение:

«Назначить партийно-следственную комиссию в составе членов ЦК Дзержинского и Сталина для подробного расследования причин сдачи Перми, последних поражений на уральском фронте, равно выяснения всех обстоятельств, сопровождающих указанные явления. ЦК предоставляет комиссии принимать все необходимые меры к скорейшему восстановлению как партийной, так и советской работы во всем районе III и II армий» (телеграмма Свердлова за № 00079).

Это постановление как будто ограничивает функции товарищей Сталина и Дзержинского «расследованием причин сдачи Перми и последних поражений на уральском фронте». Но товарищ Сталин центр тяжести своей «партийно-следственной» работы переносит на принятие действенных мер по восстановлению положения, укреплению фронта и т. д. В первой же телеграмме Ленину от 5 января 1919 года о результатах работы комиссии Сталин ни одного слова не говорит о «причинах катастрофы», а с места ставит вопрос о том, что нужно сделать, чтобы спасти армию. Вот эта телеграмма:

«Председателю Совета обороны товарищу Ленину.

Расследование начато. О ходе расследования будем сообщать попутно. Пока считаем нужным заявить вам об одной не терпящей отлагательства нужде III армии. Дело в том, что от III армии (более 30 тысяч человек) осталось лишь около 11 тысяч усталых, истрепанных солдат, еле сдерживающих напор противника. Посланные Главкомом части ненадежны, частью даже враждебны к нам и нуждаются в серьезной фильтровке. Для спасения остатков III армии и предотвращения быстрого продвижения противника до Вятки (по всем данным, полученным от командного состава фронта и III армии, эта опасность совершенно реальна) а б с о л ю т н о необходимо с р о ч н о перекинуть из России в распоряжение командарма по крайней мере три с о в е р ш е н н о надежных полка. Настоятельно просим сделать в этом направлении нажим на соответствующие военные учреждения. Повторяем: без такой меры Вятке угрожает участь Перми, таково общее мнение причастных к делу товарищей, к которому мы присоединяемся на основании всех имеющихся у нас данных.

Сталин, Дзержинский. 5/I—19. Вятка».

И только 13 января 1919 года товарищ Сталин посылает вместе с т. Дзержинским свой краткий предварительный отчет о «причинах катастрофы», сводящихся в основном к следующему: усталость и измотанность армии к моменту наступления противника, отсутствие у нас резервов к этому моменту, оторванность штаба от армии, бесхозяйственность командарма, недопустимо преступный способ управления фронтом со стороны Реввоенсовета Республики, парализовавшего фронт своими противоречи-

выми директивами и отнявшего у фронта всякую возможность притти на скорую помощь III армии, ненадежность присланных из тыла подкреплений, объясняемая старыми способами комплектования, абсолютная непрочность тыла, объясняемая полной беспомощностью и неспособностью советских и партийных организаций. Одновременно товарищ Сталин намечает и тут же проводит в жизнь со свойственными ему быстротой и твердостью целый ряд практических мероприятий по поднятию боеспособности III армии.

«К 15 января, — читаем мы в его отчете Совету обороны, — послано на фронт 1200 надежных штыков и сабель; через день — два эскадрона кавалерии. 20-го отправлен 62-й полк 3-й бригады (предварительно профильтрован тщательно). Эти части дали возможность приостановить наступление противника, переломили настроение III армии и открыли наше наступление на Пермь, пока что успешное. В тылу армии происходит серьезная чистка советских и партийных учреждений. В Вятке и в уездных городах организованы Революционные комитеты. Начато и продолжается насаждение крепких революционных организаций в деревне. Перестраивается на новый лад вся партийная и советская работа. Очищен и преобразован военный контроль. Очищена и пополнена новыми партийными работниками губчрезвычайная комиссия. Налажена разгрузка вятского узла...» и т. д.

В результате всех этих мероприятий не только было приостановлено дальнейшее продвижение противника, но в январе 1919 года восточный фронт перешел в наступление, и на нашем правом фланге был взят Уральск.

Вот как товарищ Сталин понял и осуществил свою задачу «расследовать причины катастрофы». Расследовал, выяснил эти причины и тут же на месте, своими силами, устранил их и организовал необходимый перелом.

ПЕТРОГРАД

Весною 1919 года белогвардейская армия генерала Юденича, исполняя поставленную Колчаком задачу «овладеть Петроградом» и оттянуть на себя революционные войска от восточного фронта, при помощи белоэстонцев, белофиннов и английского флота перешла в неожиданное наступление и создала реальную угрозу Петрограду. Серьезность положения усугублялась еще и тем, что в самом Петрограде были обнаружены контрреволюционные заговоры, руководителями которых оказались военные специалисты, служившие в штабе западного фронта, в VII армии и кронштадтской морской базе. Параллельно с наступлением Юденича на Петроград Булак-Балахович добился ряда успехов

В. И. Ленин и И. В. Сталин в Горках. *С картины художника Михайловского.*

на псковском направлении. На фронте начались измены. Несколько наших полков перешло на сторону противника; весь гарнизон фортов «Красная горка» и «Серая лошадь» открыто выступил против советской власти. Растерянность овладела всей VII армией, фронт дрогнул, враг подходил к Петрограду. Надо было немедленно спасать положение.

Центральный комитет для этой цели вновь избирает товарища Сталина. В течение трех недель товарищу Сталину удается создать перелом. Расхлябанность и растерянность частей быстро ликвидируются, штабы подтягиваются, производятся одна за другой мобилизации питерских рабочих и коммунистов, беспощадно уничтожаются враги и изменники. Товарищ Сталин вмешивается в оперативную работу военного командования. Вот что он телеграфирует товарищу Ленину:

«Вслед за «Красной горкой» ликвидирована «Серая лошадь», орудия на них в полном порядке, идет быстрая... (неразборчиво)... всех фортов и крепостей. Морские специалисты уверяют, что взятие «Красной горки» с моря опрокидывает всю морскую науку. Мне остается лишь оплакивать так называемую науку. Быстрое взятие «Горки» объясняется самым грубым вмешательством со стороны моей и вообще штатских в оперативные дела,

доходившим до отмены приказов по морю и суше и навязывания своих собственных. Считаю своим долгом заявить, что я и впредь буду действовать таким образом, несмотря на все мое благоговение перед наукой. *Сталин*».

Через шесть дней товарищ Сталин доносит Ленину:

«Перелом в наших частях начался. За неделю не было у нас ни одного случая частичных или групповых перебежек. Дезертиры возвращаются тысячами. Перебежки из лагеря противника в наш лагерь участились. За неделю к нам перебежало человек 400, большинство с оружием. Вчера днем началось наше наступление. Хотя обещанное подкрепление еще не получено, стоять дальше на той же линии, на которой мы остановились, нельзя было — слишком близко до Питера. Пока что наступление идет успешно, белые бегут, нами сегодня занята линия Керново — Воронино — Слепино — Касково. Взяты нами пленные, два или больше орудий, автоматы, патроны. Неприятельские суда не появляются, видимо боятся «Красной горки», которая теперь вполне наша. Срочно вышлите 2 млн. патронов в мое распоряжение для 6-й дивизии...»

Эти две телеграммы дают полное представление о той громадной творческой работе, которую проделал товарищ Сталин, ликвидируя опаснейшее положение, создавшееся под красным Питером.

ЮЖНЫЙ ФРОНТ

Осень 1919 года памятна всем. Наступал решающий, переломный момент всей гражданской войны. Снабженные «союзниками», поддержанные их штабами, белогвардейские полчища Деникина подходили к Орлу. Весь громадный южный фронт медленными валами откатывался назад. Внутри положение было не менее тяжелое. Продовольственные затруднения чрезвычайно обострились. Промышленность останавливалась от недостатка топлива. Внутри страны, и даже в самой Москве, зашевелились контрреволюционные элементы. Опасность угрожала Туле, опасность нависла над Москвой.

Надо спасать положение. И на южный фронт ЦК посылает в качестве члена РВС товарища Сталина. Теперь уже нет надобности скрывать, что перед своим назначением товарищ Сталин поставил перед ЦК три главных условия: 1) Троцкий не должен вмешиваться в дела южного фронта и не должен переходить за его разграничительные линии, 2) с южного фронта должен быть немедленно отозван целый ряд работников, которых товарищ Сталин считал непригодными восстановить положение в войсках, и 3) на южный фронт должны быть немедленно командированы

новые работники по выбору Сталина, которые эту задачу могли выполнить. Эти условия были приняты полностью.

Но для того чтобы охватить эту громадную махину (от Волги до польско-украинской границы), называвшуюся южным фронтом, насчитывающую в своем составе несколько сот тысяч войск, нужен был точный оперативный план, нужна была ясно формулированная задача фронту. Тогда эту цель можно было бы поставить перед войсками и путем перегруппировки и сосредоточения лучших сил на главных направлениях нанести удар врагу.

Товарищ Сталин застает очень неопределенную и тяжелую обстановку на фронте. На главном направлении Курск — Орел — Тула нас бьют, восточный фланг беспомощно топчется на месте. Что же касается оперативных директив, ему предлагается старый план (сентябрьский) нанесения главного удара левым флангом, от Царицына на Новороссийск, через донские степи.

Ознакомившись с положением, товарищ Сталин немедленно принимает решение. Он категорически отвергает старый план, выдвигает новые предложения и предлагает их Ленину в следующей записке, которая говорит сама за себя. Она настолько интересна, настолько ярко рисует стратегический талант товарища Сталина, настолько характерна по самой решительности постановки вопросов, что мы считаем полезным привести ее полностью:

«Месяца два назад Главком принципиально не возражал против удара с запада на восток через Донецкий бассейн, как основного. Если он все же не пошел на такой удар, то потому, что ссылался на «наследство», полученное в результате отступления южных войск летом, т. е. на стихийно создавшуюся группировку войск юго-восточного фронта, перестройка которой (группировки) повела бы к большой трате времени, к выгоде Деникина... Но теперь обстановка и связанная с ней группировка сил изменились в основе: VIII армия (основная на бывшем южном фронте) передвинулась в районе южфронта и смотрит прямо на Донецкий бассейн, конкорпус Буденного (другая основная сила) передвинулся тоже в районе южфронта, прибавилась новая сила — латдивизия, — которая через месяц, обновившись, вновь представит грозную для Деникина силу... Что же заставляет Главкома (ставку) отстаивать старый план? Очевидно, одно лишь упорство, если угодно — фракционность, самая тупая и самая опасная для Республики, культивируемая в Главкоме состоящим при нем «стратегическим» петушком... На-днях Главком дал Шорину директиву о наступлении на Новороссийск через донские степи по линии, по которой может быть и удобно летать нашим авиаторам, но уже совершенно невозможно будет бродить нашей пехоте и артиллерии. Нечего и доказывать, что

этот сумасбродный (предполагаемый) поход в среде, вражеской нам, в условиях абсолютного бездорожья, грозит нам полным крахом. Нетрудно понять, что этот поход на казачьи станицы, как это показала недавняя практика, может лишь сплотить казаков против нас вокруг Деникина для защиты своих станиц, может лишь выставить Деникина спасителем Дона, может лишь создать армию казаков для Деникина, т. е. может лишь усилить Деникина. Именно поэтому необходимо теперь же, не теряя времени, изменить уже отмененный практикой старый план, заменив его планом основного удара через Харьков — Донецкий бассейн на Ростов: во-первых, здесь мы будем иметь среду не враждебную, наоборот, — симпатизирующую нам, что облегчит наше продвижение; во-вторых, мы получаем важнейшую железнодорожную сеть (донецкую) и основную артерию, питающую армию Деникина, — линию Воронеж — Ростов... в-третьих, этим продвижением мы рассекаем армию Деникина на две части, из коих добровольческую оставляем на съедение Махно, а казачьи армии ставим под угрозу захода им в тыл; в-четвертых, мы получаем возможность поссорить казаков с Деникиным, который (Деникин) в случае нашего успешного продвижения постарается передвинуть казачьи части на запад, на что большинство казаков не пойдет... В-пятых, мы получаем уголь, а Деникин остается без угля. С принятием этого плана нельзя медлить... Короче: старый, уже отмененный жизнью план ни в коем случае не следует гальванизировать, — это опасно для Республики, это наверняка облегчит положение Деникина. Его надо заменить другим планом. Обстоятельства и условия не только назрели для этого, но и повелительно диктуют такую замену... Без этого моя работа на южном фронте становится бессмысленной, преступной, ненужной, что дает мне право или, вернее, обязывает меня уйти куда угодно, хоть к чорту, только не оставаться на южном фронте.

Ваш Сталин».

Комментарии к этому документу излишни. Обращает на себя внимание, какою мерою товарищ Сталин измеряет кратчайшее оперативное направление. В гражданской войне простая арифметика бывает недостаточна и часто ошибочна. Путь от Царицына до Новороссийска может оказаться гораздо длиннее, потому что он проходит через враждебную классовую среду. И наоборот, путь от Тулы до Новороссийска может оказаться гораздо короче, потому что он идет через рабочий Харьков, через шахтерский Донбасс. В этой оценке направлений сказались основные качества товарища Сталина как пролетарского революционера, как настоящего стратега гражданской войны.

План товарища Сталина был принят Центральным комитетом. Сам Ленин собственной рукой написал приказание полевому штабу о немедленном изменении изжившей себя директивы.

Главный удар был нанесен южным фронтом в направлении на Харьков — Донбасс — Ростов. Результаты известны: перелом в гражданской войне был достигнут. Деникинские полчища были опрокинуты в Черное море. Украина и Северный Кавказ освобождены от белогвардейцев. Товарищу Сталину во всем этом принадлежит громадная заслуга.

Следует еще остановиться на одном важнейшем историческом моменте, связанном на южном фронте с именем товарища Сталина. Я имею в виду образование Конной армии. Это был первый опыт сведения кавалерийских дивизий в такое крупное соединение, как армия. Товарищ Сталин видел могущество конных масс в гражданской войне. Он конкретно понимал их громадное значение для сокрушительного маневра. Но в прошлом ни у кого не было такого своеобразного опыта, как действие конных армий. Не было об этом написано и в ученых трудах, и поэтому такое мероприятие вызывало или недоумение, или прямое сопротивление. Но не таков товарищ Сталин: раз он был уверен в полезности и правильности своих планов, он всегда шел напролом в их осуществлении. И 11 ноября РВС Республики получает следующее донесение от РВС южного фронта:

«Реввоенсовету Республики.

Реввоенсовет южфронта в заседании своем от 11 ноября с. г., исходя из условий настоящей обстановки, постановил образовать Конную армию в составе 1-го и 2-го конных корпусов и одной стрелковой бригады (впоследствии добавить и вторую бригаду).

Состав Реввоенсовета Конармии: командарм т. Буденный и члены: тт. Ворошилов и Щаденко.

Справка: Постановление Реввоенсовета южфронта от 11 ноября 1919 г. № 505/а. Означенное просим утвердить».

Конная армия была создана несмотря и даже вопреки желанию центра. Инициатива ее создания принадлежит товарищу Сталину, который совершенно ясно представлял себе всю необходимость подобной организации. Исторические последствия этого шага хорошо всем известны.

И еще одна характерная особенность выявилась у товарища Сталина совершенно отчетливо на южном фронте: действовать ударными группировками; избирая главные направления, сосредотачивать на них лучшие части и бить врага. В этом отношении, а также в выборе направления он достиг большого искусства.

После разгрома Деникина авторитет товарища Сталина, как первоклассного организатора и военного вождя, становится непререкаемым. Когда в январе 1920 года под Ростовом вследствие грубых ошибок фронтового командования задержалось наше наступление, когда вновь появилась угроза свести на-нет плоды

И. В. Сталин, М. И. Калинин и К. Е. Ворошилов.

нашей победы, ЦК послал товарищу Сталину следующую телеграмму:

«Ввиду необходимости установить подлинное единство командования на кавфронте, поддержать авторитет командфронта и командарма, использовать в широком размере местные силы и средства, Политбюро ЦК признало безусловно необходимым немедленное вступление вас в состав Реввоенсовета кавфронта... Сообщите, когда выезжаете в Ростов».

Товарищ Сталин подчиняется, хотя и считает, что по состоянию здоровья его не надо трогать с места. Потом его очень беспокоит, что эти постоянные переброски будут неправильно поняты местными партийными организациями, которые склонны будут «обвинять меня в легкомысленном перескакивании из одной области управления в другую ввиду их неосведомленности о решениях ЦК» (телеграмма товарища Сталина от 7 февраля 1920 года). ЦК соглашается с товарищем Сталиным, и Ленин 10 февраля телеграфирует ему: «Я не теряю надежды, что... все дело наладится без вашего перемещения».

Когда Врангель под шумок белопольской кампании вылезает из Крыма и создает новую страшную угрозу освобожденному Донбассу и всему югу, Центральный комитет выносит следующее решение (3 августа 1920 года):

«Ввиду успеха Врангеля и тревоги на Кубани необходимо признать врангелевский фронт имеющим огромное, вполне самостоятельное значение, выделив его как самостоятельный фронт. Поручить товарищу Сталину сформировать Реввоенсовет, целиком сосредоточить свои силы на врангелевском фронте...»

В этот же день Ленин пишет товарищу Сталину:

«Только что провели Политбюро разделение фронтов, чтобы вы исключительно занялись Врангелем...»

Товарищ Сталин организует новый фронт, и только болезнь освобождает его от этой работы.

В белопольскую кампанию товарищ Сталин состоит членом РВС юго-западного фронта. Разгром польских армий, освобождение Киева и Правобережной Украины, глубокое проникновение в Галицию, организация знаменитого рейда I Конной армии — детища товарища Сталина — в значительной степени составляют результаты его умелого и искусного руководства.

Разгром всего польского фронта на Украине и почти полное уничтожение III польской армии под Киевом, сокрушительные удары по Бердичеву и Житомиру и движение I Конной армии в ровенском направлении создали обстановку, позволившую и нашему западному фронту перейти в общее наступление. Последующие действия юго-западного фронта приводят красные войска под самый Львов. И только неудача наших войск под Варшавой срывает Конную армию, изготовившуюся к атаке Львова и нахо-

дившуюся в 10 *км* от него. Однако период этот так богат событиями и освещение его нуждается в такой обширной документации и тщательном анализе, что выходит далеко за пределы нашей статьи.

Этим кратким описанием военной работы товарища Сталина не исчерпывается даже характеристика его основных качеств военного вождя и пролетарского революционера. Что больше всего бросается в глаза — это умение товарища Сталина быстро схватить конкретную обстановку и сообразно ей действовать. Будучи жесточайшим врагом расхлябанности, недисциплинированности и партизанщины, товарищ Сталин там, где интересы революции того требовали, никогда не задумывался брать на себя ответственность за крайние меры, за радикальную ломку; там, где этого требовала революционная обстановка, товарищ Сталин готов был пойти наперекор любым уставам, любой субординации.

Товарищ Сталин был всегда сторонником самой жесткой военной дисциплины и централизации, при непременном, однако, условии вдумчивого и выдержанного управления со стороны высших военных органов. В вышеприведенном отчете Совету обороны от 31 января 1919 года товарищ Сталин пишет вместе с Дзержинским:

«Армия не может действовать как самодовлеющая, вполне автономная единица; в своих действиях она всецело зависит от смежных с ней армий и прежде всего от директив Реввоенсовета Республики: самая боеспособная армия при прочих равных условиях может потерпеть крах при неправильности директив центра и отсутствии действенного контакта со смежными армиями. Необходимо установить на фронтах, прежде всего на восточном фронте, режим строгой централизации действий отдельных армий вокруг осуществления определенной, серьезно продуманной стратегической директивы. Произвол или необдуманность в деле определения директив, без серьезного учета всех данных, и вытекающая отсюда быстрая смена директив, а также неопределенность самих директив, как это допускает Реввоенсовет Республики, исключает возможность руководства армиями, ведет к растрате сил и времени, дезорганизует фронт».

Товарищ Сталин всегда настаивал на персональной ответственности за порученное дело и физически не выносил «ведомственной чересполосицы».

Громадное внимание уделял товарищ Сталин организации снабжения войск. Он знал и понимал, что означает хорошее питание и теплая одежда для бойца. И в Царицыне, и в Перми, и на южном фронте он не останавливался ни перед чем, чтобы снабдить войска и этим сделать их более сильными и стойкими.

В товарище Сталине мы видим типичнейшие черты организатора пролетарского классового фронта. Он уделяет особое вни-

мание классовому комплектованию армии, чтобы в ней действительно оставались рабочие и крестьяне, «не эксплоатирующие чужого труда». Он приписывал громадное значение развертыванию политработы в армии и неоднократно являлся инициатором мобилизаций коммунистов, считая необходимым, чтобы значительный процент их посылался в качестве рядовых бойцов. Товарищ Сталин был очень требователен к подбору военкомов. Он резко критиковал тогдашнее Всероссийское бюро военных комиссаров за присылку «мальчишек». Он говорил:

«Военкомы должны быть душою военного дела, ведущей за собою специалистов» (телеграмма из Царицына, 1918 год).

Товарищ Сталин придавал огромное значение политическому состоянию армейского тыла. В отчете о III армии он пишет:

«Больное место наших армий — непрочность тыла, объясняемая, главным образом, заброшенностью партийной работы, неумением совдепов претворить в жизнь директивы центра, исключительным, почти изолированным, положением местных чрезвычайных комиссий».

Товарищ Сталин был исключительно строг к подбору людей. Независимо от должности, действительно «невзирая на лица», он самым жестким образом смещал негодных спецов, комиссаров, партийных и советских работников. Но в то же время, как никто, товарищ Сталин всегда поддерживал и защищал тех, которые, по его мнению, оправдали оказанное им революцией доверие. Так поступал товарищ Сталин в отношении ему лично известных заслуженных красных командиров. Когда один из действительных пролетарских героев гражданской войны, впоследствии командир 14-й кавалерийской дивизии, т. Пархоменко, убитый в борьбе с махновскими бандами, в начале 1920 года был по недоразумению присужден к высшей мере наказания, товарищ Сталин, узнав об этом, потребовал немедленного и безоговорочного освобождения. Таких и подобных фактов можно было бы привести большое количество. Товарищ Сталин, как никто другой из больших людей, умел глубоко ценить работников, отдавших свою жизнь пролетарской революции, и это знали командиры, знали все те, кому приходилось под его руководством вести борьбу за наше дело. Таков товарищ Сталин в гражданской войне. Таким он остается и на протяжении последующих лет борьбы за социализм.

Гражданская война требовала от товарища Сталина огромного напряжения сил, энергии, воли и ума. Он отдавал себя всего целиком и безраздельно. Но в то же время он извлек из нее громадный опыт для своей последующей работы.

В гражданской войне товарищ Сталин в разнообразных и сложнейших условиях, обладая огромным талантом революционного стратега, всегда верно определял основные направления

главного удара и, искусно применяя соответствующие обстановке тактические приемы, добивался желательных результатов. Это качество пролетарского стратега и тактика осталось за ним и после гражданской войны. Это его качество хорошо известно всей партии. Лучше всех об этом могли бы порассказать Троцкие и иже с ними, расплатившиеся своими боками за попытку подменить своей мелкобуржуазной идеологией великое учение Маркса — Ленина. Не менее хорошо знают об этом и правые оппортунисты, только недавно потерпевшие полный разгром. Товарищ Сталин и в мирной обстановке непрестанно вместе с ленинским ЦК ведет не менее успешно, чем в гражданской войне, беспощадную борьбу со всеми вольными и невольными врагами партии и строительства социализма в нашей стране.

Но в то же время, перестав давно быть формально военным, товарищ Сталин никогда не переставал глубоко заниматься вопросами обороны пролетарского государства. Он и теперь, как в былые годы, знает Красную армию и является ее самым близким и дорогим другом.

К. Ворошилов

БОЛЬШИЕ ГОРИЗОНТЫ

Вспоминается 26 декабря 1934 года...

Этот день навсегда будет памятным для работников черной металлургии. Мы были приняты в Кремле товарищами Сталиным, Молотовым и Орджоникидзе и рапортовали о нашей победе — первой победе металлургии, которая долгие годы не справлялась с возложенными на нее задачами.

Мы приехали со всех сторон Советского Союза — с Юга, Сибири и Урала, старые и молодые, коммунисты и беспартийные, рабочие и инженеры, хозяйственники — те, которые почти все время были связаны с тяжелой промышленностью, участвовали во всех этапах ее развития и довели ее, наконец, до выплавки 10 миллионов тонн чугуна, до завоевания второго места в мире.

Среди нас были люди, которые давно связали свою жизнь с коммунистической партией; были люди, участвовавшие в работе по строительству СССР и верившие в успех этой работы; были и не верившие вначале в возможность тех успехов, которых мы достигли.

Товарищи металлурги оказали мне большую честь, поручив приветствовать товарища Сталина и рапортовать о наших победах.

Мы ожидали товарища Сталина в зале заседаний ЦК ВКП(б). Вошли товарищи Сталин, Молотов, Орджоникидзе. После долгих и бурных аплодисментов всё смолкло. Волнуясь, я начал говорить. Мне хотелось сказать многое о наших завоеваниях и о наших чувствованиях.

Моя речь была примерно такого содержания:

«Товарищ Сталин, позвольте нам, работникам черной металлургии, приветствовать вас с большой политической победой — с выполнением решения правительства о доведении в 1934 году выплавки чугуна до 10 миллионов тонн.

Сталин и Ворошилов в президиуме Чрезвычайного VIII Всесоюзного Съезда Советов.

Вам, вероятно, может показаться странным, что я, беспартийный инженер, называю эту победу большой политической победой партии.

Позвольте пояснить вам.

Под вашим руководством создана новая промышленность, старые заводы реконструированы на основе новейшей техники, о которой мы — старые инженеры — могли только мечтать; возникли и выросли целые промышленные районы, возникли быстро, в обстановке и темпах, не имеющих повторения где бы то ни было.

Вы, товарищ Сталин, инициатор создания второй угольно-металлургической базы на Урале и в Сибири, соединения кузнецких углей с уральской рудой, — пример, не имеющий повторения в истории промышленности ни в сроках, ни в обстановке, а главное — в методах и приемах этого творения. Революционно с начала и до конца!

Революция в технике. Вместо приемов седого Урала и так называемой современной техники Юга, оставшейся нам в наследие, партия ввела современную американскую технику, о которой мы в старое время не могли даже мечтать не только в целом, но даже в частностях. Постепеновщина, прием капиталистической индустрии, была отброшена. Советский строй обеспечил успех гигантского прыжка.

Революция в квалификации рабочих. Вместо примитивных, простейших, допотопных орудий люди стали за новейшие станки и машины.

Революция в методах труда. Выдвинуты социалистическое соревнование и ударничество, сделавшие труд делом чести, доблести и геройства.

Революция в наших сердцах, старых специалистов. Сокрушающая сила фактов, — когда мы своими глазами увидели гиганты металлургии и машиностроения, — превратила нас в энтузиастов этой великой работы. Мы не только удерживаем позиции, у нас твердая уверенность в успешном выполнении новых задач, которые будут поручены партией.

Помимо колоссального обогащения страны техническими средствами, громадного увеличения ее технических капиталов, нельзя забывать о том, что параллельно с этим созданы новые кадры молодых инженеров и техников, достойных руководить промышленностью. Все это могло быть сделано только лишь под руководством товарища Сталина и коммунистической партии.

Вот почему эту победу я назвал большой политической победой...»

В ответ на мою речь, произнесенную довольно взволнованно, я впервые услышал товарища Сталина.

Голос его был тихий, но был слышен всем ясно.

— Вы не правы, товарищ Бардин. Партия не могла одна провести работу, о которой вы говорили. Вместе с партией в этой работе участвовали и беспартийные и старые специалисты, такие, как вы. Партия одна не могла бы сделать революцию в октябре 1917 года. В революции принимало участие всего сто тридцать тысяч членов партии. В чем состоит заслуга партии? Партия сумела организовать, сумела заставить работать всех и сумела давать правильные указания в работе. Если вы помните в свое время дискуссию о производстве чугуна, то вы, вероятно, знаете, что были две крайние точки зрения: одна стояла за то, что никак не может быть более десяти миллионов тонн чугуна, и другая — нужно достигнуть в первом пятилетии семнадцати миллионов тонн чугуна.

Партия сумела взвесить и направить нужным образом работу до определенного, возможного в данный момент уровня: десять миллионов тонн. Для того чтобы достигнуть такого уровня промышленности, необходимо было создать и приобрести, кроме машин, соответствующие кадры людей, которые могли бы на этих машинах работать.

Вы знаете, каково было положение у нас в автотракторной промышленности. Мы не имели раньше тракторов, не имели и авиационной промышленности. Теперь мы имеем и то и другое. Надо было выбирать: или сначала обучить людей обращаться с

этими машинами и только потом производить машины в массовом масштабе, или сразу в массовом масштабе производить машины, чтобы в ходе эксплоатации машин тысячи и десятки тысяч людей обучались обращению с машинами. Первый путь — слишком долгий путь. Второй путь — более короткий и дает выигрыш времени в деле выращивания кадров, хотя и требует известных жертв. Мы стали на второй путь. И мы не ошиблись, ибо, идя по этому пути, мы сумели создать в короткий срок большие кадры и трактористов и авиаторов. Мы выиграли таким образом самое большое — время — в деле создания многочисленных кадров.

Выращивание кадров — большое дело, товарищи. Как вы выращиваете кадры доменщиков, сталеваров, прокатчиков, — это очень интересный вопрос. Поэтому мне хотелось бы услышать от товарищей в дальнейших выступлениях о состоянии кадров черной металлургии, о подготовке квалифицированных рабочих и специалистов.

Затем еще вопрос. Хотя я не металлург, но я знаю, что во всех странах производство стали процентов на двадцать пять идет впереди, нежели производство чугуна. У нас же наоборот: сталь отстает от чугуна. Мне бы хотелось от товарищей услышать, что можно сделать на каждом заводе в отдельности и в целом в черной металлургии, чтобы уничтожить эту диспропорцию. Я понимаю, что эту диспропорцию можно уничтожить путем строительства новых мартеновских печей, которые производятся у нас и будут производиться в дальнейшем. Но диспропорцию, вероятно, можно уничтожить также увеличением производительной способности мартеновских печей, что видно из ваших же данных о работе металлургических заводов. Одни заводы работают хорошо, другие плохо. В чем причина? Почему нельзя всем заводам работать хорошо и что этому мешает? Мне бы хотелось получить ответ на этот вопрос.

Начались выступления товарищей. Товарищ Сталин то и дело задавал наводящие вопросы, просил разъяснений.

Совещание продолжалось семь часов... Поздно ночью мы вышли из Кремля в особом настроении, какое бывает, вероятно, чрезвычайно редко у такого большого количества людей и, мне кажется, совершенно одного и того же порядка. Мы видели власть, власть народную, какой она должна быть. Власть должна иметь большие горизонты, она должна обладать дальнозоркостью. Эта беседа, да и не только она, а дела и факты ежедневной жизни, которые мы видели и видим, показывают, что наша власть обладает горизонтом и этот горизонт далекий.

Академик Бардин

В КРЕМЛЕ СО СТАЛИНЫМ

(Из книги «Годы и минуты»)

Днем меня вызвали в Московский комитет партии, к товарищу Хрущеву. Но оказалось, что он меня ждет в Центральном комитете.

Я поднялся на лифте, предъявил пропуск.

Вдруг я увидел, что навстречу по коридору идет Серго в длинной шинели, а рядом с ним Ворошилов.

— А, товарищ Гудов, здравствуй!

Я оторопел. Не думал я, что Орджоникидзе запомнит меня. Орджоникидзе и Ворошилов поздоровались со мной, и Климентий Ефремович оглядел меня с добрым любопытством. Меня провели в зал заседаний. Я осмотрелся, ища глазами товарища Сталина, но его еще не было. Вдоль стен на высоких подставках стояли зеркальные прожекторы. Около них суетились люди. Готовились к киносъемке. Я заметил, куда направляют свет прожекторов, а через несколько минут увидал, что залитая сиянием юпитеров дверь открылась и вошли Молотов, Каганович, а за ними — Сталин.

Впервые я видел Сталина. С радушием и нескрываемым интересом вглядывался он в наши лица, а мы аплодировали, кричали, стихали и снова аплодировали, приветствуя его. Я почувствовал, что этот день — самый значительный день в моей жизни. Я с радостью подумал, что делаю, видно, неплохое дело, если оно привело меня в один зал со Сталиным.

Начался Первый всесоюзный слет стахановцев промышленности и транспорта. В конце заседания я заметил, что товарищ Сталин, наклонившись к Серго, что-то сказал ему, и Орджоникидзе объявил:

— На этом совещание здесь закрываем, переходим в Кремль, в Андреевский зал.

Мы приехали в Кремль. Я был впервые в Кремле и останавливался на каждом шагу: осматривал картины, любопытной рукой щупал лепку на стенах, перила, отделку.

И. В. Сталин (1933 год).

Выступали Стаханов, Бусыгин, Кривонос. Мне казалось, что это выступают мои старые товарищи, с которыми я поделился своими мыслями. Очень правильно, именно то, что нужно сказать, говорили они, будто мы заранее с ними столковались. Видно, приспело время всему народу браться за работу по-новому, по-умному!

Потом, в конце слета, выступал Сталин. И мы услышали слова, которые стали с этого дня народной пословицей: «Жить стало лучше, товарищи. Жить стало веселее, — сказал Сталин. — А когда весело живется, работа спорится...» Все, что я передумал, все, что я сделал, осветилось внезапным ярким светом, стало выпуклым, ясным. Мне показалось, что и сам я вырос на голову после этой речи. Мне захотелось сделать что-нибудь действительно большое. Мне захотелось ответить на речь Иосифа Виссарионовича каким-то необыкновенным достижением. И я дал обещание выработать тысячу процентов нормы за одну смену, изготовляя запорную крышку.

Мне посчастливилось еще несколько раз встретиться с товарищем Сталиным. На одном из приемов в Кремле товарищ Молотов неожиданно поднял тост за меня, за мои достижения. Сперва мне показалось, что я ослышался. Но все повернулись ко

мне. Я так растерялся, что не знал, как мне быть, что ответить. Ко мне подошел Булганин:

— Иди к Сталину.

Я подошел. Иосиф Виссарионович весело чокнулся со мной.

— За новые успехи! — провозгласил он.

Мог ли я после этого не почувствовать в себе новых сил? Мог ли я успокоиться на добытом, найденном, уже признанном?

Да конечно же нет!

То, что было уже сделано, казалось мне лишь простыми находками на поверхности. А следовало заглянуть в самые недра технологии.

★

Накануне выборов, 11 декабря, Никита Сергеевич Хрущев пригласил меня пойти на собрание в Большой театр. И здесь я опять услышал товарища Сталина. Он произнес свою всем теперь известную речь об обязанностях депутата — слуги народа.

Я вернулся домой, взволнованный всем услышанным. Я думал о том, что если завтра меня выберут, то я жизни не пожалею, но оправдаю доверие народа, буду работать так, чтобы Сталин и тут мне сказал: «Молодец!»

12 декабря я встал в шесть часов утра и пошел на участок. Голосовал я в том же округе, в котором баллотировался сам. Что мне было делать? Не зачеркивать же себя в бюллетене!

Дома мне не сиделось. Тянуло узнать результаты голосования. Я знал, что в пятьдесят восьмом избирательном участке, который находился в Кремле, должны были голосовать товарищи Сталин, Молотов, Ворошилов.

Я не выдержал и позвонил на участок:

— Ну, как? Сталин голосовал за меня?

Спокойный голос ответил мне:

— Товарищ Гудов, голосование тайное.

Но тайну эту скоро мне выдал Вячеслав Михайлович Молотов. На одном из заседаний Экономсовета, где были Лазарь Моисеевич Каганович, Ворошилов, Микоян, Хрущев и Булганин, председательствовавший товарищ Молотов, увидев меня, весело воскликнул:

— Ага, вот и наш депутат! Эх, как мы за тебя голосовали!

Теперь надо было выполнить первое депутатское обещание, первый наказ избирателей — перекрыть все существовавшие рекорды и выполнить норму на шесть с половиной тысяч.

И. Гудов

ТАКИМ Я ЕГО СЕБЕ ПРЕДСТАВЛЯЮ

Мне всегда казалось, что я знаком с товарищем Сталиным. Это было и в те времена, когда я не только ни разу не видел товарища Сталина, но даже не решался думать, что мне выпадет счастье беседовать с великим вождем. Ведь товарищ Сталин один, а нас миллионы...

Образ товарища Сталина давно запечатлелся в моей памяти и в моем сердце как образ родного и близкого человека. Я, как и мои товарищи шахтеры, прислушивался к каждому слову товарища Сталина. Каждая речь его, напечатанная в газетах, по многу раз перечитывалась, так что некоторые фразы прямо заучивались.

Речь товарища Сталина на выпуске академиков Красной армии, где говорилось о том, что люди, овладевшие техникой, могут творить чудеса, была произнесена в мае 1935 года. Много было у нас по этому поводу переговорено и передумано. У каждого в мыслях было желание показать, на что способны советские люди, овладевшие техникой. Так родился и мой рекорд в ночь на 31 августа 1935 года.

А вскоре я сам увидел и услышал товарища Сталина.

Произошло это так.

В начале ноября 1935 года я приехал в Москву. Меня пригласили на празднование XVIII годовщины Великой Октябрьской революции. Приехало много гостей с разных концов страны. Здесь я встретил товарищей, известных по газетам, и познакомился с Александром Бусыгиным, Дусей Виноградовой, Марусей Виноградовой, Николаем Сметаниным и другими героями труда.

Все мы, разумеется, с нетерпением ждали дня 7 ноября, когда будем на Красной площади и там наверняка увидим товарища Сталина.

Днем 6 ноября мы встретились с москвичами. Нас пригласил к себе руководитель московских большевиков—Никита Сергеевич

Хрущев, наш земляк, бывший донецкий шахтер. А вечером мы были в Большом театре на торжественном собрании московских организаций, посвященном годовщине Октябрьской революции. И тут-то я увидел впервые в своей жизни родного товарища Сталина и его соратников, увидел днем раньше, чем рассчитывал. В Большом театре мне все нравилось, привлекала его красота. Но театр я не особенно разглядывал, так как не отрывал глаз от товарища Сталина. Мне очень хотелось быть ближе к нему, пожать руку и поговорить с ним.

Я всматривался в товарища Сталина, следил за каждым его движением. Сталин был одет в простую серую тужурку. Он разговаривал с товарищами в президиуме и весело улыбался. И мне было радостно на него глядеть.

11 ноября все гости столицы совершили экскурсию в Кремль. Нас было много, и мы разбились на три группы. В одной группе — наша донецкая делегация, в другой — ленинградские товарищи вместе с Дусей и Марусей Виноградовыми, в третьей группе — ударники Украины и Московской области.

Кремль нам очень понравился. Мы осмотрели Оружейную палату, собор, царь-пушку, царь-колокол и кремлевские площади.

Когда мы вернулись в гостиницу, я узнал, что украинские и московские стахановцы встретились во время экскурсии с товарищами Сталиным и Орджоникидзе. Я страшно жалел, что меня не было среди этих экскурсантов.

Когда я прослушал рассказ товарищей, беседовавших со Сталиным, я позавидовал им, но теперь уже не терял надежды, что когда-нибудь и мне посчастливится.

На следующий день мы собрались уезжать из Москвы. На руках у нас были уже билеты. Неожиданно звонят в гостиницу, чтобы мы билеты вернули, из Москвы не уезжали, так как нас приглашает к себе нарком товарищ Орджоникидзе.

У Серго мы пробыли несколько часов. Он очень тепло с нами беседовал, обо всем расспрашивал, а мы все рассказали ему. Серго назвал стахановцев советскими богатырями. Когда кончилась беседа, товарищ Орджоникидзе сказал, что мы еще встретимся с товарищем Сталиным, который очень интересуется стахановским движением. Он хочет нас повидать, послушать. Когда Серго сказал про товарища Сталина, у меня сильнее забилось сердце.

И вот день этот наступил — день 14 ноября. Едем в Центральный комитет партии. В машине тихо — все о чем-то думают. А думают, наверное, об одном: каков Сталин, что он спросит, что скажет.

Приехали. Вошли в зал, быстро уселись. Каждый старался занять место ближе к столу президиума, так как знал, кто будет находиться за этим столом. И вот идут товарищи Сталин, Молотов, Каганович, Орджоникидзе, Ворошилов, Калинин,

И. В. Сталин среди стахановцев. *С картины художника П. Васильева.*

Андреев, Микоян, Жданов, Хрущев. Идут и раскланиваются, здороваются. В зале произошло что-то невероятное. Мы все вскочили с мест и со всей силой стали аплодировать. Я смотрю на товарища Сталина, а он стоит веселый, улыбается нам, аплодирует и поднимает правую руку, приветствуя нас. Мы долго не могли успокоиться — всё приветствовали товарища Сталина и его соратников.

Серго Орджоникидзе открыл собрание — это было начало Первого всесоюзного совещания стахановцев.

Когда Серго назвал в речи имя товарища Сталина, мы начали бурно аплодировать. Товарищ Сталин смотрел на нас, как на своих родных, а мы смотрели на товарища Сталина, на его приятное лицо, в его живые, чуть прищуренные глаза. Я заметил у товарища Сталина седину и подумал: ведь ему уже 56 лет, он так много перенес в своей жизни — и тюрьмы, и ссылки, и лишения. Но, думал я, товарищ Сталин, наверное, счастлив, что видит результаты борьбы большевиков, результаты своего труда. Ведь и я и сидящие рядом со мной товарищи — воспитанники товарища Сталина. «Это ты и партия, которой ты руководишь, сделали из нас людей», хотелось ему сказать.

Я знал, что мне придется выступать, кое-что наметил в блокноте и волновался. Когда товарищ Серго закончил свою речь, он сразу мне предоставил слово. Мне стали аплодировать. Я, волнуясь, тем временем просмотрел свои заметки, оглядел окружающих и успокоился.

Товарищ Сталин повернулся в мою сторону. Увидев его отцовский взгляд, я почувствовал себя свободно, точно у себя в шахте, среди своих людей, и рассказал, как было дело, как добился рекорда, и выразил благодарность товарищу Сталину, которому мы обязаны новой, счастливой жизнью.

Я говорил, а товарищ Сталин меня внимательно слушал. Я старался говорить как можно короче, мне было как-то неловко отнимать много времени. У товарища Сталина масса дел, и ему нужно сказать главное да покороче.

Я был горд собою. Вчерашний темный батрак и пастух высказывал свои мнения руководителям народа. И тут же я подумал: ведь и они вышли из самого народа. Да, только в нашей стране возможны такие встречи, такие задушевные беседы между вождями и рядовыми рабочими, которые говорят им про свои подвиги на трудовом фронте!

После меня выступил железнодорожный машинист Петр Кривонос, а затем кузнец Бусыгин. Он рассказывал о своих рекордах на ковке валов.

Товарищ Сталин, который очень внимательно слушал всех, спросил его:

— Качество валов не портится от быстрой работы?

— Наоборот, — ответил Бусыгин, — меньше брака получается и качество лучше. Раньше я делал четыреста пятьдесят штук, а брак — двадцать штук. Теперь я даю тысячу сто штук, а брак — две штуки.

Потом выступила Дуся Виноградова. Облокотившись о стол, она начала свой рассказ о высокой производительности и высоких заработках. Если раньше она зарабатывала двести — двести семьдесят рублей в месяц, то при работе на ста сорока четырех станках ее заработок достиг шестисот рублей. Она посмотрела на товарища Сталина и сказала:

— Смотрите, как я повысила свою заработную плату!

А товарищ Сталин ей отвечает:

— Очень хорошо.

Потом выступил Мирон Дюканов. Между ним и товарищами Сталиным и Орджоникидзе завязался очень интересный разговор. Товарищ Орджоникидзе спросил Дюканова:

— Сколько у вас было забойщиков до стахановского движения и сколько забойщиков теперь?

Дюканов ответил, что до стахановского движения было двадцать три забойщика, а сейчас двенадцать. Раньше мы сами рубали и сами крепили, а сейчас труд разделили. Товарищ Сталин обратил на это внимание и сказал:

— В этом суть успеха.

И товарищ Орджоникидзе подтвердил:

— Это главное.

Выступает богатырь Донбасса Никита Изотов. За ним слово получает известная ткачиха Родниковского комбината «Большевик» Ивановской области Тася Одинцова, которая соревновалась с Виноградовыми. Товарищ Орджоникидзе так и объявил:

— Слово имеет товарищ Одинцова, соперница Виноградовых.

— Посмотрим, чья возьмет! — сказал товарищ Сталин.

Одинцова сказала в своей речи, обращаясь к товарищу Сталину:

— Заверяю вас, товарищи, что, соревнуясь с Дусей Виноградовой, я надеюсь, что план перевыполню и оставлю ее позади себя.

А Виноградова ее тут спрашивает:

— Ты на сколько перейдешь?

Одинцова говорит:

— На сто пятьдесят шесть станков.

А Виноградова с места кричит:

— А мы на двести восемь!

Товарищ Сталин стоял у стены и, раскуривая трубку, наблюдал эту сцену.

Самым молодым делегатом Первого всесоюзного совещания стахановцев был токарь из города Куйбышева — Коля Курьянов.

Серго объявил:

— Слово имеет старейший токарь Курьянов...

Все посмотрели: в самом деле думали, сейчас старик поднимется на трибуну, а поднялся семнадцатилетний мальчик, круглолицый, остриженный под скобку.

Товарищ Сталин поднялся со своего места, перегнулся через стол и взглянул на Курьянова. Серго спросил, сколько он зарабатывает.

— До того как я стал бусыгинцем, — шесть рублей в день, а сейчас двадцать пять рублей, — ответил Курьянов.

Товарищ Сталин захохотал, весело взглянул на Курьянова и долго ему аплодировал.

С замечательными речами выступали товарищи Молотов, Ворошилов, Орджоникидзе, Лазарь Моисеевич Каганович, Микоян, Жданов, Хрущев.

Всего не перескажешь.

Все мы мечтали о том, чтобы услышать товарища Сталина. Но совещание подходило к концу, и мы сильно беспокоились: вдруг товарищ Сталин не выступит? А 17 ноября вечером Орджоникидзе предоставляет слово начальнику цеха московской электростанции Скатерщикову и тут же говорит, что следующим будет выступать товарищ Сталин.

Что тут делалось! Радости нашей не было конца. Признаться, мы уже мало слушали Скатерщикова, потому что все горели нетерпением поскорее услышать Сталина.

И вот кончает свою речь Скатерщиков, и Серго объявляет:

— Слово имеет товарищ Сталин.

Точно гром грянул. Более трех тысяч человек, которые заполняли весь Кремлевский зал, поднялись с места. Долгие минуты мы аплодировали и приветствовали вождя.

Товарищ Сталин поднялся и пошел к трибуне. Мы стояли и кричали:

— Да здравствует товарищ Сталин!

А товарищ Сталин стоял на трибуне спокойный, улыбающийся и смотрел на нас глазами отца и учителя. Со всех концов зала неслись ему приветствия. Товарищ Сталин поднял руку, требуя тишины. Он несколько раз пытался нас успокоить, приглашал садиться. Но ничего не помогало. У каждого в сердце так много накопилось прекрасных чувств к товарищу Сталину, что каждый хотел эти чувства выразить. Товарищ Сталин обвел глазами весь зал, а зал бурлил. Из груди у всех как-то сразу вырвалась песня, и мы запели «Интернационал». Потом снова продолжалась овация. Товарищ Сталин обернулся к президиуму — наверное, требуя установить порядок. Серго показал ему на зал. Товарищ Сталин вынул часы и показал их нам. Но мы не признавали времени. Долго звонил товарищ Орджоникидзе, пока все утихли.

Сталин и Калинин поздравляют Дусю Виноградову с орденом Ленина.

Зато, когда товарищ Сталин начал говорить, стояла полнейшая тишина, потому что каждый старался все услышать и не пропустить ни одного слова.

Товарищ Сталин говорил просто и понятно, и слова его проникали глубоко в сознание. Товарищ Сталин не раз называл мою фамилию, называл Бусыгина и других товарищей. Как я волновался, когда он говорил о нас! Да разве можно было не волноваться, когда он говорил, что мы бросили искру, из которой разгорелось пламя! И я подумал тогда: «Стаханов, то, что ты сделал, — это только начало. Ты должен сделать еще больше...»

Товарищ Молотов в своей речи рассказывал, какие муки пришлось пережить архангельскому лесопильщику Мусинскому — первому стахановцу в лесной промышленности. Мусинский тайком от хозяйственников и контролеров выполнял новые высокие технические нормы. Товарищ Сталин напомнил о Мусинском и тут же сказал:

— Судьба самого Стаханова была не лучшей, ибо ему приходилось обороняться при своем движении вперед не только от некоторых чинов администрации, но и от некоторых рабочих, высменивавших и травивших его за «новшества».

Я только поразился, откуда товарищ Сталин знает все подробности нашей работы. Я думал: откуда товарищ Сталин знает, что заведующий моей шахтой, Заплавский, выступил против стахановского движения, что вначале некоторые несознательные рабочие были недовольны моими рекордами?

Мне очень понравилось, как товарищ Сталин нас обрисовал.

— Вы видели здесь Стаханова и Бусыгина, — говорил он. — Они выступали на совещании. Это — люди простые и скромные, без каких бы то ни было претензий на то, чтобы стяжать лавры фигур всесоюзного масштаба. Мне даже кажется, что они несколько смущены тем размахом движения, которое развернулось у нас вопреки их ожиданиям.

Еще бы не смущаться!

Товарищ Сталин говорил так ясно, что все мне было понятно. Я все запоминал и в блокнот записывал, чтобы по приезде рассказать подробно всем товарищам.

Перед тем как закончить свою речь, товарищ Сталин, улыбаясь, сказал:

— Мы здесь в президиуме совещались и решили, что придется как-либо отметить это совещание руководителей власти с руководителями стахановского движения. И вот мы пришли к такому решению, что человек сто-двести из вас придется представить к высшей награде. Если вы одобряете, товарищи, то мы это дело проведем, — закончил товарищ Сталин свою речь.

Опять что-то особенное творилось в Кремлевском зале.

Без конца неслись приветствия товарищу Сталину. С большим, особенным подъемом мы спели «Интернационал», и вместе с нами пели стоявшие на трибуне руководители партии и правительства.

Товарищ Серго объявил совещание закрытым. Не хотелось расставаться с товарищем Сталиным, с нашими руководителями. Вдруг кто-то запел песню из «Веселых ребят». Ее подхватил товарищ Жданов. Он запевал, а Климент Ефремович Ворошилов, стоя на подмостках, дирижировал. Было весело и радостно, но в то же время было жалко, что расстаемся.

★

Следующая моя встреча с товарищем Сталиным произошла в феврале 1936 года, когда я был вызван в Москву для получения ордена Ленина. 5 февраля на заседании Президиума ЦИК я встретился с Иосифом Виссарионовичем Сталиным, с товарищами Молотовым, Орджоникидзе и Ворошиловым. После получения орденов мы сфотографировались с товарищем Сталиным. Потом я подошел к нему, крепко пожал руку, поблагодарил, а он спросил, как мои дела, как работаю и живу. Я сказал, что все идет хорошо.

А через несколько месяцев — в ноябре — я был снова в Москве, в Кремле, как делегат Чрезвычайного VIII Всесоюзного Съезда Советов.

Еще задолго до открытия съезда иду в Большой Кремлевский дворец. Он быстро заполняется делегатами. Тут — люди со всех концов нашей страны. Русские, украинцы, белоруссы, туркмены, узбеки, армяне, евреи, грузины, казахи, татары — да разве всех перечтешь! Многие делегаты в своих национальных костюмах. Песни поем. Все с нетерпением ожидаем открытия съезда.

Но вот в президиум идут товарищи Сталин, Молотов, Каганович, Калинин, Ворошилов, Орджоникидзе, Андреев. Трудно передать словами то, что происходило в эти минуты. Женщины машут платками. Все делегаты на родных языках приветствуют великого вождя.

Михаил Иванович Калинин произносит речь. Потом он слово для доклада о проекте новой Конституции Союза ССР предоставляет товарищу Сталину. Мы все встаем с мест. Наши чувства принадлежат товарищу Сталину. Я видел, как у многих делегатов, моих соседей, от радости на глазах появились слезы. Я товарища Сталина видел и слышал, но волновался и радовался ничуть не меньше тех, кто видел и слышал его в первый раз.

Товарищ Сталин говорил, как и на стахановском совещании, просто, уверенно и на понятном для всех языке. Когда он говорил, в зале была полная тишина. Все, что он говорил в своем докладе, мы испытали в своей жизни. Всеми теми правами, кото-

рые нам дает Конституция, мы пользуемся, и мы знаем, что этих достижений мы добились под руководством товарища Сталина. Поэтому так горячо встречал его съезд.

Товарищ Сталин говорил спокойно. А подконец он поднял вверх обе руки со сжатыми кулаками и горячо сказал:

— На новую победу для завоевания новых побед коммунизма!

Мы с большим энтузиазмом ответили на эти слова.

После того как закончились прения, съезд постановил создать редакционную комиссию для установления окончательного текста Конституции. Членом редакционной комиссии съезд избрал также меня.

3 декабря комиссия собралась в Кремле. Я был несказанно рад тому, что мне предстоит работать вместе с товарищем Сталиным. Товарищ Сталин занял место председателя. Заседание комиссии проходило просто. Каждую статью читал товарищ Сталин. Прочитает и спрашивает: какие имеются у членов редакционной комиссии поправки или изменения? Когда член комиссии заявлял, что у него есть поправка, товарищ Сталин говорил ему: «Идите сюда на трибуну и говорите всем, чтобы люди вас видели и слышали». По многим пунктам Конституции были прения. Вопрос решали голосованием. Иосиф Виссарионович сам вносил много предложений.

5 декабря все делегаты собрались в Большом Кремлевском дворце. Товарищ Андреев предоставил слово для доклада редакционной комиссии товарищу Сталину. Я не буду повторять его речь, так как все ее, конечно, читали. Товарищ Сталин подробно доложил съезду, какие мы внесли поправки в Конституцию на заседании редакционной комиссии.

Ровно в 6 часов вечера 5 декабря 1936 года мы проголосовали и утвердили Сталинскую Конституцию. И, когда Конституция была одобрена, мы дружно спели «Интернационал».

Этот день, когда Союз Советских Социалистических Республик принял свою новую, Сталинскую Конституцию, народы нашей страны никогда не забудут. За несколько минут до закрытия съезда было внесено предложение, чтобы день 5 декабря объявить всенародным праздником. Каждый год в этот день мы будем вспоминать о замечательном Съезде Советов, о докладе товарища Сталина — творца нашей Конституции.

☆

Приведу еще два эпизода.

29 октября 1937 года. Прием работников металлургической и угольной промышленности руководителями партии и правительства. Присутствуют товарищ Сталин и его соратники. Выступают Каганович, Молотов и Ворошилов.

Товарищ Сталин беседует с металлургами, с горняками.

Сталин среди «пятисотниц» на совещании в Кремле.

Вот он подзывает к себе старого, заслуженного шахтера товарища Рябошапку. Спрашивает, как у него дела. А дела в Донбассе шли неважно. Рябошапка откровенно ответил:

— Плохо, товарищ Сталин. Мало угля даем.

Я тоже собирался подойти к товарищу Сталину; хотелось поговорить, но стеснялся. Через несколько времени ко мне подходит товарищ Сталин. Здоровается, берет под руку, ведет к своему столу и говорит:

— Что же вы стесняетесь, не подхóдите?..

И тут же товарищ Сталин объясняет мне:

— Дело немножко плоховато с углем, поэтому народ собрали...

— Уголек должен все-таки пойти, — ответил я товарищу Сталину. — В Донбассе враги навредили немало и сейчас еще для рабочих не создают нужных условий — оттого меньше угля.

— Это правильно, — твердо сказал товарищ Сталин. — Когда никто не будет мешать рабочему и ему будут созданы условия — уголь будет. Несомненно будет...

Разговорились, и я подконец сказал товарищу Сталину:

— Я теперь учусь в академии. Постараюсь быстрее окончить и пойду работать, куда вы меня пошлете. С честью буду оправдывать доверие.

Товарищ Сталин отнесся к этому одобрительно. Спросил меня, как я живу, какая у меня квартира. Я ответил, что живу хорошо и квартира хорошая — Лазарь Моисеевич лично позаботился.

Товарищ Сталин произнес тост:

— За здоровье товарищей Стаханова, Дюканова, Изотова, Рябошапки и других!

Потом — за здоровье доменщика Коробова, за всю семью доменщиков Коробовых.

Коробов-отец ответил:

— Товарищ Сталин, я уже старик, но я положу все свои силы, чтобы выполнить ваше пожелание и быть впереди других металлургов.

Далеко за полночь затянулась дружеская беседа руководителей партии и правительства с металлургами и угольщиками.

17 мая 1938 года. В Кремле — прием работников высшей школы. Я получил приглашение. Сижу за столом. Появляются товарищ Сталин, руководители партии и правительства. Они проходят через зал. Товарищ Сталин машет рукой, здоровается.

У меня были некоторые дела по депутатской линии к товарищу Молотову. Я пишу записку: «Вячеслав Михайлович, есть у меня дело к Вам, хочу пару слов Вам сказать». Товарищ Молотов поднял руку и поздоровался со мной. Через несколько минут меня зовут. Я иду вперед, к центральному столу,

здороваюсь с товарищами Сталиным, Молотовым, Кагановичем, Ворошиловым, Калининым. Товарищ Молотов усадил меня подле себя и спросил, какие у меня к нему дела. Я сказал, что прошу отпустить автомашины для двух колхозов моего избирательного округа. Вячеслав Михайлович ответил:

— Поможем!

Товарищ Сталин выступил на приеме с замечательной речью о передовой науке. Товарищ Сталин указал и на то, что рядовые рабочие, рядовые люди могут быть новаторами науки. И в заключение он провозгласил тост «за здоровье Стаханова и стахановцев, Папанина и папанинцев».

Я тут же взял слово и, волнуясь от радости, сказал:

— Спасибо товарищу Сталину, который поднял нас на такую высоту!

...Я слушал товарища Сталина на XVIII съезде ВКП(б). Кто не запомнит на всю свою жизнь эту историческую речь!

Я видел товарища Сталина на приемах участников первомайских и октябрьских парадов. Кто не запомнит на всю жизнь эти братские встречи вождя с летчиками и артиллеристами, танкистами и пехотинцами, моряками и пограничниками!

Я видел много раз товарища Сталина стоящим на трибуне мавзолея в красноармейской шинели, с высоко поднятой рукой, зовущей вперед и вперед. Таким я себе представляю его всегда — нашего отца, зовущего к полной победе коммунизма.

А. Стаханов

ОН ПРОЧИТАЛ МОИ МЫСЛИ

Меня дети часто просят рассказать о моих встречах со Сталиным. Их интересует всё — даже мельчайшие подробности: и как Сталин говорил, и что он говорил, и какой он. Мне понятен их интерес, и я всегда охотно им рассказываю. Мне самому доставляет удовольствие еще и еще раз вспоминать о таком необычайном и вместе с тем таком родном человеке.

Мы так привыкли называть Сталина отцом. Но я говорю ребятам, что отец — это не совсем правильно отражает отношение Сталина к людям. Только самая заботливая мать, для которой дороги и любимы все ее дети, так относится к ним, как Сталин относится к человеку. Только мать так неусыпно заботится, так помнит о нуждах своих детей, как Сталин помнит и заботится о человеке, который для него важнее всего, на самом первом месте среди всех дел и забот.

Зимой 1934 года я поехал в Москву на совещание металлургов. Там мы узнали, что в Кремле нас примет Сталин.

Я не видел до этого товарища Сталина. По фотографии он казался мне человеком строгим, и я даже немного струсил, когда в назначенный день мы поехали в Кремль. Нас было шестьдесят пять человек. Мы шутили, смеялись, но в то же время с волнением смотрели на дверь, через которую к нам должен был войти товарищ Сталин.

Ждать пришлось недолго. Скоро, около шести часов вечера, дверь отворилась — и мы увидели Сталина. За ним шли ныне покойный Серго и товарищ Молотов.

Мы с увлечением начали аплодировать. Товарищ Сталин, приветливо улыбаясь, поздоровался с нами.

Началось заседание. За председательским местом случайно оказался товарищ Орджоникидзе. Он повернулся к В. М. Молотову и сказал:

— Я занял ваше место.

И. В. Сталин.

Товарищ Молотов ответил:

— Это ваши металлурги, и вы должны председательствовать.

Но Серго все-таки уговорил Вячеслава Михайловича занять председательское место.

Нельзя сказать, чтобы собравшиеся металлурги были людьми робкого десятка, но, когда товарищ Молотов предложил нам высказаться о работе и нуждах металлургии, никто сразу не решился взять слово. Какая-то связанность была, неловкость. Молотов предложил высказаться товарищу Бардину. Но и после его выступления желающих высказаться не оказалось. Поднялся товарищ Сталин и говорит:

— Тогда придется мне сказать.

Он говорил не больше получаса. Сталин говорил о том, что мы получили в наследство от капитализма и что мы имеем сейчас. И вот что мне хочется подчеркнуть: Сталин не предлагал нам высказаться, не говорил, чтобы мы были, мол, смелее и не стеснялись говорить, — всего этого Сталин не сказал, а между тем после его речи все стали просить слова. Он так умеет словами, обычными человеческими словами, объединить людей, показать яснее ясного направление и, главное, сразу упростить отношения.

Все захотели говорить, и я хотел говорить. И, когда в 10 часов товарищ Сталин предложил устроить перерыв, никто не согласился. Мы обсуждали свои металлургические дела до часу ночи. Сидели бы и дольше, но товарищ Сталин, видя наше настроение, сказал:

— Вы согласны с нами до утра сидеть, но уже поздно, а мы еще не обедали.

Пришлось кончить разговоры, хотя очень не хотелось от товарища Сталина уходить.

Когда мы уже начали расходиться, меня подозвал товарищ Серго и познакомил с товарищем Сталиным. Серго сказал:

— Вот, товарищ Сталин, это товарищ Коробов, он работает на заводе имени Кирова, у него три сына металлурга.

В это время проходил как раз мой сын Павел. Серго подозвал и его и тоже представил. Так мы познакомились с товарищем Сталиным лично.

Через три года — 29 октября 1937 года — я снова увидел товарища Сталина.

Как и в первый раз, это произошло в Кремле, в Грановитой палате. На этот раз вместе с нами, металлургами, на приеме были и угольщики. После Л. М. Кагановича выступал товарищ Сталин. Он говорил об угольщиках, о металлургах, о миллионах людей, которые хорошо работают. В словах Сталина я чувствовал гордость за нас, за всю великую армию труда.

Товарищ Сталин говорил о людях нашей страны, благодаря которым мы имеем такие большие успехи во всех областях строительства. Он говорил, что в нашей стране есть миллионы выдающихся людей.

После выступления товарища Сталина подзывает меня Лазарь Моисеевич Каганович и представляет Сталину. Но Сталин говорит:

— Я товарища Коробова уже знаю.

Оказалось, что он хорошо меня помнит. Он поздоровался со мной, пожал мне руку и спросил о моем здоровье. Потом спросил, сколько мне лет. Я сказал, что пятьдесят седьмой год.

— Я старше вас, — сказал товарищ Сталин: — мне пятьдесят восемь.

Я был на приеме со своими двумя сыновьями. И вот товарищ Сталин поднял за нас тост, за меня и за моих детей, как он выразился: «за династию Коробовых».

Товарищ Сталин провозгласил тост также за Стаханова, Дюканова, Рябошапку и других. С любовью и радостью говорил о нас и наших успехах товарищ Сталин.

Незаметно пролетело время. Поздно ночью мы оставили гостеприимный Кремль и разъехались по домам.

В январе 1939 года мне снова посчастливилось видеть товарища Сталина и беседовать с ним.

Я приехал в Москву на первую сессию Верховного Совета СССР: я был в делегации, посланной приветствовать сессию от трудящихся Донбасса. Вместе со мной приехал и Рябошапка. Мы держали знамена, когда председатель нашей делегации говорил приветственную речь.

В президиуме съезда сидел товарищ Сталин. Мне очень хотелось подойти к нему, пожать ему руку и передать спасибо от всех трудящихся за Сталинскую Конституцию, рассказать ему, как крепко мы все его любим. Но я думал, что сейчас товарищу Сталину не до меня. Но тут будто мои мысли кто-то прочитал: когда мы уходили с трибуны, освобождая ее для другой делегации, ко мне подошли и пригласили к столу президиума, к Сталину. Он поздоровался со мной, как со старым знакомым, стал расспрашивать о моем житье-бытье. От неожиданности встречи я не смог собраться с мыслями и не мог ответить ему толком и лишь поблагодарил за Конституцию и передал привет от наших рабочих.

Три встречи с товарищем Сталиным — это самые яркие страницы моей жизни. Я уже не молод, но у меня еще достаточно сил бороться за светлое коммунистическое будущее, как учит нас Сталин.

И. Коробов

ДВА ДНЯ МОЕЙ ЖИЗНИ

Далеко отстоят друг от друга эти два дня моей жизни. Я бы сказал — не годы, а пропасть лет лежит между ними. Фронт под Царицыным. После боя у Котлубани я попадаю вместе с группой бойцов в деникинский плен. Выстроили нас белые в две шеренги. Повернули лицом друг к другу и предложили назвать коммунистов. Молчание. Ни одного предателя не оказалось среди нас.

Тогда белогвардейцы пошли на хитрость. Они велели металлистам, слесарям, токарям, машинистам назвать себя. Им-де нужны рабочие. Квалифицированных рабочих они обещают немедленно выпустить на свободу.

Несколько человек попались на удочку белым. Среди них был и друг мой — токарь первой руки Ермолаев.

Все вышедшие из рядов квалифицированные рабочие были беспощадно расстреляны в ту же ночь. Таким образом белобандиты хотели уничтожить пролетарский костяк нашего отряда. Мы, оставшиеся в живых, были прогнаны этапом триста верст, чтобы затем попасть в крепостные к казакам-богатеям. Я убежал от своего хозяина-кулака.

Снова у своих. Красная армия. Фронт. Демобилизация. Работа в шахте. Партийная работа.

...И вот другой день. Москва. Кремль. Речь Сталина на Всесоюзном совещании стахановцев.

Я никогда не чувствовал себя таким счастливым, как в этот день. Ощущение победы, завоеванной мною, моими товарищами, всем рабочим классом, чувствовал я особенно сильно. Сталин говорил, и каждое его слово, как знамя, подымалось над нами.

Он говорил о том, что стахановское движение — это новый, высший этап социалистического соревнования. Гордость переполняла меня. Ведь это наша шахта «Центральная-Ирмино» — родина стахановского движения.

На моих глазах рождались стахановские методы. Ведь я парторг того участка, в котором работает Стаханов.

— Жить стало лучше, жить стало веселей, — говорит Сталин.

Сталин улыбается. Как должна тревожить наших врагов веселая сталинская улыбка! Как радует она нас!

Сталин говорит о счастливой, веселой жизни. Ведь он — первый кузнец этой жизни. Все во мне пело, когда я слушал его.

Перед моими глазами родное Ирмино. Стахановский поселок, который мы выстроили для лучших рабочих. Здесь светлые, удобные, просторные квартиры. Дома залиты электрическим светом. Весело поет молодежь на улицах «Центральная-Ирмино».

Грустную шахтерскую песнь, как правильно рассказывал на совещании старый донецкий шахтер Никита Сергеевич Хрущев, песнь нищеты и горя, не поют больше на нашей сегодняшней шахтерской улице. Комсомольцы складывают иные песни — о новой, счастливой шахтерской жизни.

Хорошо стало жить. Замечательно! Шахтеру уже нехватает не хлеба, как в былые годы, — ему нехватает книг, музыкальных инструментов, патефонов, радиоприемников.

Мы провели небольшое обследование наших рабочих. Опросили, какую кто в чем ощущает нужду. И вот результат.

Рабочим шахты «Центральная-Ирмино» сейчас требуется двести велосипедов, десять пианино, сто патефонов, сто радиоприемников, а удалось нам выявить запросы только у нескольких сот наших рабочих.

Когда появился наш Сталин на трибуне, аплодисментам не было конца. Все запели «Интернационал». И я запел. Я видел, как вместе с нами дружно пели пролетарский гимн наши любимые руководители. Товарищ Сталин так душевно и просто благодарил нас за учебу — наш учитель, наш вождь!

Мало слов у шахтера. Прежняя жизнь сделала шахтера молчаливым, скупым на слова. Но самые лучшие я хочу найти, чтобы сказать ими о Сталине, нашем дорогом, любимом.

...Я выступал на совещании и особо остановился на том, как мы организовали труд в забое; товарищ Сталин подал короткую реплику:

— В этом суть!

Два слова, а как обогатили они меня! Еще больше буду работать над тем, чтобы правильно организовать труд не только на участках нашей шахты, но и чтобы передать наш опыт другим шахтам нашего Союза.

М. Дюканов

СТАЛИН ХВАЛИЛ НАС, ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКОВ

Я был приглашен 30 июля 1935 года вместе с другими железнодорожниками в Кремль. Мы собрались в огромном Георгиевском зале. Стояли группами; каждый из нас находился в каком-то радостном возбуждении.

В зал вошел товарищ Сталин.

Трудно рассказать, что мы пережили в эти минуты. Лично о себе скажу, что я еще никогда не переживал такой радости.

Сталин говорил о транспорте, о наших железных дорогах, о наших паровозах, о наших железнодорожниках. Каждое слово его глубоко западало в память.

Сталин открыл перед нами такие горизонты, что просто дух захватывало. Наша страна — великая железнодорожная держава! А мы, железнодорожники, стоим на ответственном государственном посту. Мы цементируем великую страну, связываем ее города и села, ее грандиозное хозяйство в одно целое.

Сталин хвалил нас, железнодорожников.

В самый разгар вечера мы с машинистом Гордышевым подошли к Лазарю Моисеевичу Кагановичу. Он взял нас за руки.

— Это — наши лучшие машинисты, — сказал Лазарь Моисеевич, обращаясь к товарищу Сталину.

...Дома у меня висит карта страны. Я подолгу разглядываю ее.

Густыми радиусами расходятся от Москвы тонкие разноцветные нити. Это стальные пути. Они режут страну вдоль и поперек. Если бы сверху охватить взглядом нашу родину, мы увидели бы бесконечные вереницы товарных поездов, которые день и ночь движутся по нашей земле.

Дети железнодорожников приветствуют XVIII съезд ВКП(б).

Молодые железнодорожники жалуются, что будто скучно им работать на транспорте, негде проявить свое геройство. Я тоже раньше так думал, но после речи товарища Сталина, после того как меня наградили орденом Ленина, я понял, что честно выполнять свой государственный долг, работать без аварий, работать, как часы, — и есть героизм.

Я шагаю по улицам Москвы. На моей форменной фуражке блестит значок с мчащимся вперед паровозом. Я хочу, чтобы все видели этот значок:

— Я — железнодорожник!

Б. Иванов

В КОМИССИИ СО СТАЛИНЫМ

Я сам из середняков. Известно, как жили середняки. Нередко приходилось подтягивать туже пояс, чтобы сохранить хозяйство. В колхоз я пошел с опаской. Теперь оглядываюсь назад. Чего я опасался? Отчасти не верилось, что мужик с мужиком может вместе ужиться. Отчасти казалось, что я, объединяясь, вроде передаю часть своего хозяйства бедняку. Отчасти не понимал коммунистической партии и ее задач. Мне казалось, что партия заботится об одних партийцах, ну, и о социализме, а какой такой социализм — я не мог наглядно представить и стремления к нему не имел.

За четыре года колхозный труд перевоспитал меня. Я увидел, что как хозяин я не разорился, вступив в колхоз, а выиграл, потому что колхоз приумножил то, что мы обобществили. Конечно, с помощью государства.

Я стал бригадиром, и моя бригада вышла вперед других, ей присвоили звание сталинской бригады, и вот я заседаю на колхозном съезде. В последние годы я уже понимал, как работает коммунистическая партия и чего она добивается, но вижу, что не все понимал до конца.

Конечно, я и мечтать не мог, чтобы мне, беспартийному колхознику, пришлось участвовать в таком всемирном деле, что я буду заседать в Кремле, а Кремль ведь стоит выше всего мира. А я не только заседаю на съезде, меня избрали в комиссию для рассмотрения проекта нового устава. «Чем ты гордился? — спрашиваю я себя с насмешкой. — Тем, что имел плуг? Тем, что голодал только раз в три года? Хозяин плуга — еще не хозяин жизни. Вот когда пришла пора твоей хозяйственной гордости».

15 февраля первый раз заседала комиссия. Участвовал товарищ Сталин, а также товарищи Молотов, Ворошилов, Каганович, Калинин и другие дорогие нам товарищи.

По каждому пункту проекта выступало много делегатов, и товарищ Сталин почти каждому задавал вопросы и делал замечания.

Наш азово-черноморец Поликарп Заикин, с которым мы жили в одной комнате Третьего дома советов, говорил по поводу прикрепления к бригадам земли на время севооборота. «Надо и к животноводческим фермам прикреплять землю», сказал он. Товарищ Сталин спрашивает у остальных, правильно ли, мол, говорит Заикин, или неправильно. И потом высказывается сам.

Товарищ Сталин не только ставил все на правильную политическую линию, но с хозяйственной стороны так тонко предусматривал всякую подробность, будто у него никогда никаких дел не было, кроме колхозных, а он ведь возглавляет всю международную революцию. На всей земле по его указаниям будет строиться жизнь, а он не забывает таких вещей, как тяпка и коса, когда говорит об инвентаре, необходимом каждому колхознику дома.

Я сам выступал по вопросу о приусадебных землях колхозников. Товарищ Сталин спросил меня, из какого я района, какие усадьбы сейчас имеются в нашем районе у колхозников. Такие вопросы он задавал и другим выступавшим. Мнения высказывались разные: и за большие усадьбы и за маленькие. Но вот берет слово товарищ Сталин и начинает говорить. Не просто говорит, а все взвешивает. Взвешивает то, что говорилось на самом съезде, и то, что говорилось на комиссии, и какие где земли, и что сеют. Говорил по всем районам, будто там жил. И все время подчеркивал, что, заботясь об общем, колхозном, нужно заботиться о каждом колхознике. Одна женщина говорила о цветах, что, мол, надо перед окном цветы посадить — тоже требуется земля. Сталин и это принял во внимание. Тут я понял, что неправы те руководители отдельных колхозов, которые говорят колхознику: «Крыша — это не наша забота, это мелочь, и без этого социализм можно построить». Сталин не так учит коммунистов.

Дивуюсь я. «Как это раньше, — говорю себе, — ты не понимал простой вещи? Партия заботилась и заботится о тебе самом и о всех миллионах трудящихся. Социализм — это твоя лучшая жизнь, а устав, который выработан под руководством товарища Сталина, — это закон прекрасной жизни».

П. Кургас

Я ВИДЕЛ СТАЛИНА

Из дневника

Впервый раз близко я видел этого великого человека в 1934 году, когда окончился первомайский парад на Красной площади. Я тогда служил летчиком.

2 мая мы выстроили свои четырехмоторные корабли на Центральном аэродроме имени Фрунзе, а сами по подразделениям стояли в ожидании дорогих гостей. Товарищи Сталин, Ворошилов и Горький долго обходили ряды. Впереди, спокойной походкой, немного расставляя, как моряк, ноги в стороны, шел товарищ Сталин. Он то поднимал вверх приветливо правую руку, то прятал ее за борт шинели и внимательно вглядывался в лица бойцов. Здесь я впервые близко увидел его чуть улыбающиеся глаза.

С тех пор прошло довольно много времени. Однажды, после испытательного полета, я только что посадил машину на аэродром, сижу с механиком и разговариваю с ним о величине компенсатора руля поворотов. Вдруг подъезжает автомобиль с директором завода. Директор приглашает в свой кабинет. Сообщает, что едем на заседание в Кремль.

Когда мы вошли в зал, заседание было в полном разгаре. Товарищ Ворошилов говорил речь. На председательском месте сидел товарищ Молотов. Товарищ Сталин стоял у окна и набивал табаком свою любимую трубку. Он внимательно посмотрел на нас. Я сел за стол. Сталин сказал:

— Ну вот, пусть директор расскажет о своей машине.

Директор рассказал, как идет работа на нашем заводе, подробно познакомил присутствующих с особенностями машины, только что выпущенной заводом.

— Кто у тебя летал на этой машине? — спросил товарищ Сталин.

— Моисеев и Байдуков, товарищ Сталин. Они здесь присутствуют, — ответил директор.

— Ну, Байдуков, расскажите нам о машине. Чем она вам нравится? Что у нее плохого? — и посмотрел на меня, когда я проходил к модели нашего самолета.

Сталин подошел ближе. Он поглядывал то на меня, то на модель, как бы решая: действительно ли я толковый человек? Можно ли довериться мне как испытателю самолетов?

Я старался рассказать о машине все так, как мне это представлялось с точки зрения летчика. Товарищ Сталин задавал такие сугубо профессиональные вопросы, касающиеся самолетостроения, что я частенько задумывался, чтобы опрометчивым ответом не «ввести в заблуждение» этого простого и величайшего человека, вождя народов.

И здесь я заметил, что Сталин — это человек, который любит послушать, любит посоветоваться с людьми, имеющими непосредственное дело с машиной — самолетом, комбайном, отбойным молотком.

Второе, что меня поразило, — это то, что товарищ Сталин знает детально вопрос, интересующий его. Откуда человек, занятый делами государственной важности, знает тонкости авиамоторостроения и летного дела? От многогранной культуры и от гениального, всеобъемлющего ума идет эта прозорливость.

И, наконец, третье, что я заметил при этой встрече с товарищем Сталиным, — это его забота о человеке. Наше летное дело — профессия сложная и иногда опасная. Сталин во время заседания допытывался от конструкторов и летчиков: а как этот самолет, не опасен ли при вынужденной посадке? Можно ли из него свободно выпрыгнуть с парашютом? Удобно ли экипажу работать? И если получал отрицательный ответ, начинал спокойно, но весьма внушительно доказывать, что самолет, опасный для жизни, не есть советский самолет, что его нужно выбросить или переделать так, чтобы люди, самый ценный капитал в жизни, были окружены максимальными удобствами. В авиации нет мелочей. Из-за мелочей часто гибнут люди. Этого мы не можем допускать.

Внимание к человеку, огромное, неизмеримое человеколюбие — это третье, что я заметил у товарища Сталина на деловом заседании.

★

Из-за гор выглянуло солнце. Курорт Сочи начал свою жизнь с мацестинских ванн, купаний, прогулок и теннисных встреч.

Наша дача, как всегда, пробудилась с восходом солнца. Моя дочь Эммочка в семь часов уже кричала над моим ухом.

День намечался ясный, веселый. В девять утра послышался баистый голос Чкалова. Чкалов уславливался с одним из отдыхающих о предстоящей партии на биллиарде.

Беляков занимался французским языком. Я с дочкой убежал на теннисную площадку.

В десять часов все сидели за завтраком. Вдруг раздался телефонный звонок. К аппарату вызвали Чкалова. Он вышел в коридор и спустя несколько минут позвал меня. Я увидел взволнованное лицо Валерия. Это было необычайно для меня.

— Слушай, Егор, товарищ Сталин сегодня в шестнадцать часов приглашает нас с женами к себе, — сказал Валерий тихим, взволнованным голосом.

— Что ты с утра начинаешь фантазировать? — И я повернул было прочь.

Но выражение глаз моего друга и его слегка вздрагивающие пальцы, потянувшиеся к коробке за папиросой, заставили меня поверить, что, может быть, он и не шутит. Да и разве можно шутить такими вещами?

И мною овладело волнение. Сердце забилось частыми радостными ударами.

— Да, да, Егор! Ровно в шестнадцать часов к товарищу Сталину, — сказал Чкалов.

Мы, счастливые, побежали к своим женам поделиться важной новостью. Не описать их радости и изумления.

Буквально через пять минут с завтраком было покончено.

Каждый по-своему переживал предстоящую встречу. Но в одном мы были единодушны: поскорее закончить свои личные дела! И вот — кто пошел к парикмахеру побриться, кто начал отглаживать платье, кто бегом бросился на берег купаться. То и дело поглядывали мы на часы, и каждый из нас втайне проклинал этот механизм, так медленно передвигающий стрелку... Хотелось скорей увидеть еще раз этого милейшего человека, близкого нам друга по нашей работе. Но как ни торопись, солнце диктует время. Наконец стрелка подползла к 15.30.

Пора выезжать, а Чкалов никак не может напялить крахмальный воротничок. Он спешит, со всех сторон на него кричат, торопят... В конце концов я предложил ему надеть шелковую косоворотку, как у меня. Валерий послушался. Через десять минут мы уже мчались на автомобиле вслед за Михаилом Ивановичем Калининым к товарищу Сталину.

Нас подвезли к темнозеленой даче, окруженной фруктовыми деревьями.

Товарищи Сталин и Жданов ожидали нас на улице у парадного входа. Сталин, радушно здороваясь, внимательно оглядывал каждого. Очевидно, он проверял, поднабрали ли мы на курорте сил.

Исключительная простота, искренняя скромность товарища Сталина сразу привлекают к нему и вызывают необыкновенное чувство расположения. Товарищ Сталин знакомится с моей же-

Сталин и Ворошилов с Героями Советского Союза Байдуковым и Беляковым на Щелковском аэродроме.

ной и женой Белякова. Расспрашивает, как отдохнули. Затем ведет к даче, по дороге рассказывая о каждом кустике и дереве, которых так много здесь.

Видно, Сталин очень любит фруктовые деревья.

У одного лимонного куста он заботливо поправляет бамбуковую палочку, поддерживающую отяжелевшие от плодов ветви. Срывает листья эвкалипта, растирает на руке и дает понюхать. Сильного запаха эвкалипта, оказывается, не терпит малярийный комар. Мне очень неловко, что я не знаю действия этого замечательного дерева. Иосиф Виссарионович рассказывает мне о том, как американцы избавлялись от комара во время постройки Панамского канала и при освоении болотистой Австралии.

Так мы незаметно обошли весь сад. Затем, обратившись к гостям с вопросом: не пора ли кушать? — наш хозяин повел нас к себе и попросил осмотреть комнаты. Здесь было все исключительно просто, чисто.

По пути в столовую Сталин, открывая шторы и оконные рамы, спросил: готов ли стол?

Жданов сильно закашлялся. Его кашель был очень похож на кашель Чкалова. Я сказал об этом и заметил:

— Простуда у авиационных работников — болезнь профессиональная.

Иосиф Виссарионович возмущенно начал говорить о том, что конструкторы и заводы еще мало работают над усовершенствова-

нием электрообогревания, что часть вины за это ложится и на летчиков, которые не следят за своим здоровьем и не требуют от промышленности улучшения условий их работы. Сталин тонко подмечал наши авиационные недостатки, обнаруживая при этом явное недовольство тем, что еще не все летчики пользуются парашютом при аварийных положениях. Лучше построить тысячи новых самолетов, чем губить летчика! Человек в глазах Сталина — самое дорогое.

Затем зашел разговор о метеорологии. Товарищ Жданов был когда-то большим любителем этого дела. Он рассказал, что во время нашего перелета внимательно следил за изменениями метеорологической обстановки. Я обнаружил, что Жданов прекрасно разбирается в законах метеорологии, отлично знает названия стационарных циклонов Европы и Севера.

Так, оживленно беседуя, мы всей группой подошли к веранде, на которой были видны расставленные кегли.

Иосиф Виссарионович предложил сыграть. Сам первый взял шар и, ловко пустив его по доске, сбил короля и нескольких солдат. После него стал играть Беляков. Когда уже наигрались вдоволь, Сталин посоветовался с гостями — не пора ли приступить к обеду? Все выразили согласие. Он повел нас к столу. За обедом все держались очень непринужденно и весело: так приветлив был хозяин. Я все время чувствовал себя необыкновенно легко, как на большом веселом празднике.

Первый тост товарищ Сталин провозгласил за гостей, затем за того, кто вывел на светлую дорогу Россию, — за товарища Ленина. После хозяина дома тосты предлагал Жданов.

После обеда наша тройка обратилась к товарищу Сталину с планами насчет полета через Северный полюс. Иосиф Виссарионович доказывал, что мы еще недостаточно изучили все материалы и что к этому делу нужно еще крепче подготовиться, что нужно как следует изучить метеорологические условия. Нужны еще метеостанции. С этим делом нельзя рисковать, нужно делать все без «авось», наверняка.

Сталин любит авиацию. Он с увлечением говорит о полетах Коккинаки, Алексеева, Юмашева и других летчиков.

Незаметно разговор перешел на прошлое. Иосиф Виссарионович рассказал нам, как, будучи в ссылке, он чуть не погиб в Енисее, когда провалился в полынью и вынырнул, уже обледеневший, перед глазами собравшихся у проруби женщин. Женщины с испугу побросали коромысла, ведра и убежали в деревню. Долго пришлось уговаривать, чтобы пустили отогреться. Только исключительно крепкий организм спас его тогда от смерти.

Потом Иосиф Виссарионович рассказывал, как во время возвращения из ссылки один ямщик вез его «за аршин водки».

И. В. Сталин и И. Д. Папанин.

Ямщик подряжался добросовестно везти только при условии, если на каждой остановке будет получать сверх всего этот самый «аршин водки».

Аршин составлялся в длину из стопок, в которых подавалось вино в дорожных постоялых дворах. Ямщик оставался доволен пунктуальным выполнением договора, после каждой станции он веселел и веселел. И наконец при прощании все говорил Сталину:

— Хороший ты мужик. Откудова ты такой, парень?

Во время этого рассказа Иосифа Виссарионовича я сидел рядом и видел, как поблескивали его глаза, как они загорались искренним смехом. Он умеет так рассказывать, что слушатели от души хохочут вместе с ним.

Перешли в просторную соседнюю комнату. Сталин показал карточки своих детей. Он с большой нежностью говорил о дочке Светлане. Она недавно уехала в Москву. У нее начались занятия в школе.

— Она у меня дисциплинированная — раз начались занятия, значит нужно учиться!

Иосиф Виссарионович бережно поставил карточку на место. Мы его стали просить, чтобы он отдал нам на память фотографии, где он снят вместе с ребятами. Что делать с такими напо-

ристыми гостями? Он взял три карточки и отложил, чтобы завернуть в пакетики.

Сталин просит молодежь потанцовать. Сам идет выбирать пластинку, заводит патефон, ставит плясовую.

Когда танцоры исчерпали свой репертуар, Сталин, все еще не отходивший от патефона, выбрал пластинку с хоровой волжской песней. Поставив ее, он сам стал подпевать, и мы хором грянули протяжную русскую песню. Сталин, видимо, в Сибири выучился петь и очень ладно подтягивал запевавшему Жданову.

Так мы дружно пели бы еще и еще, если бы не пора было собираться Михаилу Ивановичу Калинину. Он уезжал из Сочи.

После проводов Калинина Чкалов лег отдохнуть на кушетку и крепко заснул. Иосиф Виссарионович достал одеяло, тщательно накрыл Валерия и, открыв настежь дверь веранды, вновь начал развлекать нас плясовыми русскими и грузинскими песнями. Уже часов в одиннадцать Жданов позвал всех играть в биллиард.

Игра затянулась. Когда я посмотрел на часы, было около половины второго ночи. Не хотелось уезжать от этого исключительного человека, такого обаятельного, так покоряющего своей мудрой простотой. Но ведь ему больше, чем кому бы то ни было, нужно отдыхать.

Распрощавшись с товарищами Сталиным и Ждановым, мы уехали к себе на дачу, на всю жизнь запечатлев в сердце замечательный образ простого, радушного хозяина, гениального вождя.

Г. Байдуков

ПО СТАЛИНСКИМ МАРШРУТАМ [1]

1. МОСКВА — ПЕТРОПАВЛОВСК-НА-КАМЧАТКЕ

Это было в 1936 году, на одном из заседаний комиссии ЦК ВКП(б), на которое были приглашены инженеры, техники, летчики и авиационные командиры. На заседании я увидел, как подробно товарищ Сталин вникает во все тонкости авиационного дела, как дорожит жизнью каждого летчика, как заботится о том, чтобы на самолете было удобно и безопасно работать.

Во время перерыва Чкалов и Байдуков подошли к Серго Орджоникидзе и спросили его о судьбе нашего проекта: совершить дальний беспосадочный перелет.

Товарищ Серго ответил улыбаясь:

— Не спдится вам, все летать хотите... Я сам не возьму на себя разрешения такого большого и сложного вопроса, но я спрошу у товарища Сталина, а может быть, и вас сведу с ним.

И действительно, вскоре он подвел Чкалова и Байдукова к товарищу Сталину. Серго представил летчиков и, продолжая улыбаться, сказал в шутливом тоне:

— Вот всё пристают... Хотят через Северный полюс лететь.

Товарищ Сталин, сдерживая улыбку, попыхивал своей трубкой. Летчики стояли взволнованные и ждали ответа.

— Зачем лететь обязательно на Северный полюс? — сказал товарищ Сталин. — Летчикам все кажется нестрашным. Рисковать привыкли. Зачем рисковать без надобности?

Иосиф Виссарионович сначала подшучивал. Затем сказал уже серьезным тоном, что условия полета у Северного полюса мало изучены.

— Надо хорошо и подробно все изучить, чтобы наверняка уже лететь туда...

И, помолчав, он внимательно взглянул на летчиков и добавил:

[1] Статья составлена редакцией по ранее опубликованным статьям т. Белякова.

— Вот вам маршрут для полета: Москва — Петропавловск-на-Камчатке.

В такой простой и задушевной беседе родился Сталинский маршрут. В словах вождя мы почувствовали и любовь, и ласку, и доверие.

★

Прошло более двух месяцев с того памятного дня. Мы тщательно готовились к полету: изучали маршруты, испытывали самолет, осваивали радио и подготовляли снаряжение. Наконец все работы были закончены; об этом мы могли с удовлетворением доложить руководителям партии и правительства.

Мы снова в Кремле. В небольшом зале я увидел сидящих за столом товарищей Серго Орджоникидзе, Молотова и других членов правительства. В стороне за отдельным столиком сидел товарищ Сталин. Он встал, подошел к нам и радушно поздоровался. Я думал, что мы будем отчитываться перед строгой правительственной комиссией, а вдруг неожиданно весь доклад о нашей подготовке вылился в задушевный разговор.

— Все готово, товарищ Сталин, — сказал Чкалов, — осталось указать нам поточнее маршрут.

Попросив разрешения повесить на стене карту перелета, Чкалов стал подробно рассказывать о том, какими путями можно долететь из Москвы до Петропавловска-на-Камчатке.

Товарищи Сталин, Молотов, Орджоникидзе и другие члены правительства стояли вместе с нами около карты и разглядывали разноцветные линии маршрута.

Нами были разработаны три варианта. Мы защищали северный вариант, то есть маршрут с выходом за Полярный круг. С одной стороны, этот маршрут был удобен тем, что пролегал в районе многочисленных радиостанций Северного морского пути, с другой стороны, выход за Полярный круг в период арктического лета избавлял нас от полета в темноте в течение двух ночей из трех.

Товарищ Сталин очень быстро разобрался во всех обстоятельствах каждого предложенного варианта и сказал:

— Летите из Москвы до Земли Франца-Иосифа, оттуда свернете на Северную Землю и пересечете Якутию. От Петропавловска-на-Камчатке надо вернуться на материк через Охотское море к устью реки Амура, а дальше можете продолжать путь до тех пор, пока будут благоприятные условия погоды и хватит горючего.

Когда мы стали уходить, товарищ Сталин уже совсем по-отечески обратился к нам со словами:

— Скажите по совести, как у вас там, все ли в порядке? Нет ли у вас червяка сомнения?

Мы хором ответили, что у нас никаких сомнений нет.

Из Кремля мы уходили радостные, взволнованные, с твердым намерением безукоризненно выполнить перелет и не уронить честь нашей родины.

★

Память моя навсегда сохранит день нашего возвращения с острова Удд [1] в родную Москву.

Самолет наш катился по знакомому полю аэродрома. Наперерез ему мчалось несколько автомобилей.

Самолет наконец остановился. Остановились и автомобили. Из передней машины показался товарищ Сталин. Он спокойной походкой шел к самолету.

Мы были ошеломлены, когда увидели товарища Сталина. Чкалов в это время стоял на крыле. Увидев Иосифа Виссарионовича, он поискал глазами стремянку, махнул рукой, сел на крыло и, соскользнув на землю, побежал навстречу.

Стараясь быть серьезным, Чкалов вытянулся и отрапортовал:

— Товарищ Сталин, ваше задание выполнено.

Сталин дружески улыбнулся, широко раскинул руки, крепко обнял Чкалова и расцеловал. Потом он передал Чкалова в объятия Ворошилова, а сам шагнул к растерянному Байдукову и ко мне и поцеловал нас, как детей.

Его первые слова были:

— Не устали вы? Мы вас не будем долго мучить: вам нужен отдых, а сейчас пойдем к трибунам.

Мы были так растроганы, что почти не могли говорить.

★

Прошло несколько дней, и мы снова в Кремле. Мы рапортуем нашей великой стране об очередном достижении советской авиации и о благополучном завершении перелета по Сталинскому маршруту.

И здесь я услышал слова, которые указали мне ясный путь дальнейшей работы.

Товарищ Сталин, говоря о летчиках, сказал:

— Смелость и отвага — это только одна сторона героизма. Другая сторона, не менее важная, — это уменье. Я за таких летчиков, которые умеют сочетать смелость и отвагу с уменьем.

Я понял, что, детально изучая штурманское дело как одну из отраслей авиационной техники, я нахожусь на правильном пути. Я сказал себе, что и впредь буду совершенствоваться в своем деле. Уменье — не менее важная сторона героизма.

[1] Постановлением ЦИК СССР от 13 августа 1936 года остров Удд переименован в остров Чкалов.

2. НА ЮГЕ

Я никогда не забуду встречи с этим великим, простым и обаятельным человеком, когда он отдыхал на Юге. Здесь не надо было говорить о делах — можно было разговаривать обо всем, что на душе.

Это было вскоре после окончания перелета по первому Сталинскому маршруту.

Однажды мы были приглашены к товарищу Сталину на дачу.

Помню, мы шли небольшой аллеей. У входа на дачу я увидел товарища Сталина. Рядом с ним стоял товарищ Жданов. Настроение у нас было приподнятое и радостное. Мы подошли всей гурьбой и поздоровались. Поздоровались — и не знаем, что делать дальше.

Товарищ Сталин, видя, что мы еще незнакомы с окрестностями, сказал нам:

— Ну, походите кругом и посмотрите, что здесь насажено.

И он пошел вместе с нами. Обходя вокруг дачи, мы увидели много лимонных деревьев со спелыми плодами. Один огромный лимон привлек мое внимание. Товарищ Сталин, видя, что лимоны нас занимают, сказал:

— Если они вам нравятся, сорвите. Кто сколько хочет.

Желая сохранить что-либо на память о посещении товарища Сталина, я немедленно воспользовался этим разрешением, и самый большой лимон с дерева очутился в моем кармане.

Гуляя по саду, мы обратили внимание на незнакомую нам породу деревьев.

— Это эвкалипты, — сказал товарищ Сталин. — Очень ценное дерево.

Товарищ Сталин нам объяснил, что эвкалипты отгоняют малярийных комаров и что их полезно сажать там, где желают избавиться от малярии. Он рекомендовал сажать эвкалипты в более северных местах нашего Союза, для того чтобы они там акклиматизировались.

Мы заметили, что около дачи растет какая-то сосна особой породы, с длинной пахучей хвоей.

— Здесь раньше рос дуб, — сказал товарищ Сталин, — но он был чем-то болен, и мы решили его заменить сосной. Узнав об этом, агрономы и садоводы стали говорить, что сосна здесь расти не будет, но мы все-таки решили попробовать, и, как видите, сосна растет и даже очень хорошо.

— Видно, товарищ Сталин, — сказал Чкалов, — всякое дело можно выполнить, если к нему руку приложить.

— Да, верно, — сказал товарищ Сталин, — только не нужно унывать при неудачах. Если не выходит, надо второй раз попы-

И. В. Сталин, В. М. Молотов и К. Е. Ворошилов.

таться. Если прямо нельзя взять, надо со стороны обойти. Этому нас, большевиков, еще Ленин учил.

Незаметно, в дружеском разговоре, черпал я для себя уроки большевистской мудрости.

Солнце уже село, но около дачи было еще тепло.

Товарищ Жданов оказался знатоком сельского хозяйства и метеорологии. Он объяснил нам, что внизу, у подножия холма, ночью бывает холодней, потому что наступает инверсия. Я хорошо знаю это слово. Оно означает обратный, ненормальный ход температуры, когда она повышается с высотой. После упоминания инверсии разговор как-то естественно перешел на авиационные темы. Товарищ Сталин хорошо знал, что на больших высотах летчики страдают от холода. Он начал сетовать на то, что авиационные люди мало занимаются вопросами обогрева кабин и электрически обогреваемой одежды.

Попутно товарищ Сталин упомянул, что напрасно летчики иногда рискуют и не пользуются парашютом даже в тех случаях, когда положение становится явно угрожающим.

— Вот недавно был случай, — сказал товарищ Сталин: — один из наших самолетов потерпел аварию в воздухе, на нем было четыре человека — трое выпрыгнули, а один остался на самолете и погиб. Когда мы вызвали тех, которые благополучно спустились на парашютах, и стали расспрашивать, как это все

произошло, то один из летчиков, докладывая, стал извиняться, что он принужден был выпрыгнуть с парашютом. Он считал себя в этом виноватым... Какая у вас, летчиков, ломаная психология! — продолжал товарищ Сталин. — Мы его хотели наградить за то, что он выпрыгнул с парашютом, а он стал доказывать нам, что он виноват. Жизнь одного летчика нам дороже многих машин.

Какая огромная любовь к людям, какое сердечное отношение к летчикам сквозили в этих словах, заботливых и задушевных!

Наступила темнота, и товарищ Сталин пригласил нас в столовую. При этом он сетовал, что сегодня за столом не будет хозяйки: его маленькая хозяйка — дочка Светлана — несколько дней назад уехала в Москву, так как в школах уже начались занятия. Он с большой любовью и нежностью говорил о своей дочери и, повидимому, без нее скучал.

Обед проходил в обстановке исключительно непринужденной.

С затаенным дыханием выслушали мы рассказ товарища Сталина о некоторых эпизодах его подпольной революционной деятельности.

Быстро летели часы. Я старался запечатлеть каждый жест товарища Сталина, запомнить каждое его слово.

Наступила минута прощанья.

Я подошел к товарищу Сталину и попросил его написать в мой блокнот хотя бы два слова. Но товарищ Сталин сказал, что сейчас уже поздно, все устали, и что он удовлетворит мою просьбу завтра.

Мы уехали.

Я, конечно, никогда и не думал, что товарищ Сталин запомнит свое обещание: и без моих просьб у него много дел.

Каково же было мое удивление, когда на следующий день я получил от товарища Сталина фотографию его дочери Светланы с надписью — вверху, в левом углу: «Светлана», а внизу: «т. Белякову на память. И. Сталин».

Когда я вечером после трудового дня смотрю на этот дорогой подарок, передо мной вновь встает образ великого человека, такого обаятельного, так покоряющего своей мудрой простотой.

3. ГОТОВИМСЯ К НОВОМУ ПЕРЕЛЕТУ

Пришла зима, и вновь наши сердца потянулись к бесконечным просторам воздушного океана, к вольным и далеким льдам Арктики. Мы мечтали о беспосадочном перелете из Москвы в Америку.

— Принимайтесь, ребята, за работу, — говорил Чкалов. — Я возьму на себя хлопоты о разрешении, а вы, Саша с Егором,

осмотрите самолет. Составьте подробный список того, что нужно на нем переделать.

Чкалов и Байдуков уже побывали у народного комиссара обороны К. Е. Ворошилова и заручились его согласием и поддержкой.

Однако мы все еще слышали заявления о том, что район Северного полюса не изучен — неизвестно, мол, какая там погода. Если неблагоприятная погода заставит экипаж совершить вынужденную посадку на лед, говорили нам, то помощь оказать будет трудно.

Нам очень помогло то обстоятельство, что весной 1937 года готовилась в Арктику большая экспедиция Северного морского пути. Четыре многомоторных самолета должны были вылететь из Москвы к Северному полюсу. Но, так как тяжелые самолеты неспособны пройти такое большое расстояние без пополнения горючего, решено было для будущей экспедиции организовать базу на острове Рудольфа (архипелаг Франца-Иосифа). От него до полюса девятьсот километров тяжелого пути.

21 мая самолет Водопьянова доставил четырех отважных зимовщиков на Северный полюс. Молнией облетело весь мир сообщение о блестящей высадке советской экспедиции на дрейфующую льдину. Чкалов долго крепился, наконец не выдержал и позвонил товарищу Молотову. Он просил его сообщить, каково мнение товарища Сталина о нашем предложении лететь в Северную Америку.

— А как у вас с материальной частью? — спросил Молотов.

— Все готово.

— Как все готово? Ведь разрешения нет!

— А мы на всякий случай...

Товарищ Молотов рассмеялся и сказал:

— Хорошо, товарищ Чкалов. На-днях обсудим ваш вопрос.

И действительно, через несколько дней, 25 мая, Чкалова вызвали к телефонному аппарату и сообщили, что нас приглашают на совещание в Кремль.

Я в этот день был в полете. На совещание поехали Чкалов и Байдуков.

4. РАССКАЗ ЧКАЛОВА

В первую же встречу Валерий рассказал мне о чудесных часах, проведенных среди руководителей партии и правительства.

«Свое выступление я начал с характеристики нашего самолета, на котором можно было бы совершить полет через полюс в Северную Америку, — рассказывал Чкалов. — Я напомнил, что свой предыдущий полет мы прервали из-за метеорологических условий, имея в баках тонну бензина.

Я так увлекся, что едва не рассказал о том, как, пролетая над Землей Франца-Иосифа, мы чуть было не решили изменить курс и лететь через Северный полюс в Америку. Байдуков быстро дернул меня за пиджак, я замолчал, но товарищ Сталин, улыбаясь, сказал:

— Продолжайте, товарищ Чкалов.

Второй раз дернул меня за пиджак Байдуков, когда я проговорился о «контрабандных» работах. Позабыв об уговоре, я незаметно для себя рассказал о том, что все подготовительные работы уже сделаны. Байдуков даже изменился в лице, но опять раздался голос товарища Сталина:

— Продолжайте, товарищ Чкалов.

«А вдруг мы поспешили с подготовкой? — с тревогой подумал я. — Ведь постановления-то правительства еще нет». Взглянул на Байдукова — в глазах у него та же тревога.

Дружеская беседа длилась уже более полутора часов.

Тепло отзываясь о смелом коллективе полярников, товарищ Сталин заметил, что теперь, наверное, нам будет легче лететь через Северный полюс.

Я сказал смеясь:

— Товарищ Сталин, для нас это «хуже»: ведь Папанин будет «давать» с полюса все плохую да плохую погоду... Так никогда и не улетишь!

— Вот тебе и на́! Мы думали — будет лучше, а вот оказывается, что для летчиков лучше бы и не делать полета на полюс, — шутливо сказал товарищ Сталин, обращаясь к Молотову.

— Так, значит, как обстоит у них дело с машиной? — спросил он одного из руководителей авиационной промышленности.

— Они давно готовы, товарищ Сталин. Ведь вы слышали...

— Да, слышал, — рассмеялся товарищ Сталин. — Впрочем, я об этом знал раньше.

На душе моей отлегло. Значит, товарищ Сталин знал о всей нашей подготовительной, «контрабандной» работе. Занятый важнейшими государственными делами, он не забыл о нас. Ну, а если он знал о подготовке, значит...

Товарищ Сталин начал расспрашивать нас о всех подробностях проведенной работы. Он великолепно понимал нас с полуслова.

— Так вы, товарищ Чкалов, говорите, что выбор самолета правилен? — спросил он меня.

Потом помолчал и добавил:

— Все-таки один мотор... Этого не надо забывать.

— Товарищ Сталин, мотор отличный, — ответил я. — Это ведь доказано, и нет оснований беспокоиться. А кроме того,— пошутил я, — один-то мотор — сто процентов риска, а четыре — четыреста.

И. В. Сталин.

Присутствующие засмеялись. Наступил самый решающий момент. Товарищ Сталин, задав еще несколько вопросов, немного задумался, а потом сказал:

— Я — за!

Когда первый пункт решения правительства о перелете был записан, товарищ Сталин предложил еще новый пункт о том, чтобы обязать экипаж в случае неблагоприятной обстановки сделать посадку в любом пункте Канады, а в случае прямой опасности для экипажа произвести немедленную посадку.

Эту фразу товарищ Сталин повторил и мне:

— Прекратить полет при первой опасности.

Я не знал, какими словами поблагодарить товарища Сталина за доверие, оказанное нам. Крепко пожал я руку дорогому вождю и сказал:

— Спасибо, товарищ Сталин, за доверие. Мы оправдаем его».

5. ВОЗВРАЩЕНИЕ

Долгих шестьдесят три часа были мы в воздухе. Мы пролетали над скованными льдом просторами Арктики, наш самолет парил над Северным полюсом и пошел на посадку возле города Портланд (Северная Америка). Чкалов впоследствии говорил, что на крыльях советского самолета мы привезли американскому народу привет и дружбу ста семидесяти миллионов свободных граждан СССР.

Но вот мы снова на родной земле. В наш вагон вбегают радостные и возбужденные советские пограничники. Они крепко жмут нам руки, обнимают, расспрашивают о нашем путешествии. Мы не замечаем, как поезд подходит к станции Негорелое.

Скромная пограничная станция выглядит необычно празднично. Светят юпитеры и прожекторы. Гудит толпа. Нас бурно приветствуют. Мы выходим на перрон и направляемся к трибуне. Около нас, сгибаясь под тяжестью огромного букета цветов, стоит шестилетняя дочь пограничника. Кто-то из толпы ей задает вопрос:

— Кому букет-то?

Она со снисходительным недоумением отвечает:

— Взрослый, а не знает!.. Чкалову!

Короткий митинг окончен. Пересаживаемся в другой поезд. Для нас прицеплен отдельный вагон. Поезд уходит в ночь на восток, к столице Советского Союза.

В 16 часов 13 минут 24 июля экспресс подошел к перрону московского вокзала. Тепло и радостно встретила нас Москва. Над привокзальной площадью неслись звуки «Интернационала».

Это звучал гимн народной неукротимой воле, гимн нашей родине, нашей партии, в честь Сталина, по маршруту которого мы совершили перелет.

После короткого митинга мы сели со своими родными в автомобили и направились по улице Горького, переполненной москвичами, к Боровицким воротам Кремля.

В Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца мы увидели товарища Сталина и его соратников и боевых товарищей — Молотова, Ворошилова, Калинина, Кагановича, Микояна, Жданова.

Глубоко взволнованные, подходили мы к столу. Здесь же присутствовали инженеры и рабочие авиационной промышленности, наши друзья-летчики, родные, знакомые.

Товарищ Сталин каждого из нас обнял и расцеловал. Трудно передать волнение, которое испытали мы под ласковым взором простого, родного и близкого всем нам великого Сталина.

Зал долго гремел от аплодисментов, когда был провозглашен тост в честь того, чье имя уже давно стало символом побед.

Товарищу Сталину несли мы свои самые горячие чувства.

Валерий встал из-за стола и, обращаясь к присутствующим, сказал:

— Многое повидали мы в дни перелета, в дни нашего путешествия. Мы видели, как зарубежные рабочие относятся к нашей стране, с какой надеждой и упованием смотрят они на Советский Союз, откуда, подобно магнитным волнам, идут по всему свету великие идеи коммунизма. В знак своих чувств зарубежные рабочие преподнесли нам серебряную скульптуру. На ней изображен земной шар. Континенты Европы и Америки соединены чертой, проходящей через полюс. Экипаж передает эту скульптуру как символ международной солидарности рабочих товарищу Сталину.

Иосиф Виссарионович взял статуэтку и, когда прием окончился, унес ее с собой.

А. Беляков

САМЫЙ ЧЕЛОВЕЧНЫЙ ИЗ ЛЮДЕЙ

Впервый раз я увидела товарища Сталина 8 марта 1935 года. Группе слушательниц Военно-воздушной академии было поручено приветствовать в день 8 марта московские организации, собравшиеся в Большом театре. Нам сказали, что обязательно будет товарищ Сталин, и больше всего нас волновало то, что придется приветствовать именно при нем.

Мы собрались за кулисами, страшно волновались, решали, кто как будет выходить. Я должна была командовать группой и волновалась больше других.

Наконец подали сигнал, и группа девушек в летной форме вышла на сцену. Совершенно не глядя себе под ноги, мы в первые секунды выхода видели перед собой только президиум и искали глазами Сталина. Но Сталина в президиуме не было. Мы были очень огорчены. Каждая из нас не раз представляла себе этот момент: как это мы выйдем, как увидим Сталина. И вдруг его нет... Правду говоря, мы как-то сразу завяли. Но потом посмотрели на оживленный зал и пришли в себя; общий подъем передался и нам.

Едва мы ушли со сцены и направились в ложу, чтобы послушать заседание, как в зале поднялся необычайный шум, аплодисменты, крики «ура». Второпях мы бросились в первую попавшуюся ложу, никто не мог сдержать наш поток. В ложе замерли — на сцене, за столом президиума, стоял товарищ Сталин. Каждой хотелось обязательно поближе его увидеть; мы толкали друг друга, пробираясь вперед.

Несколько минут народ не успокаивался, а я во все глаза смотрела на сцену, на Сталина. Я видела Сталина первый раз в жизни.

Сталин стоял как символ, как воплощение всей партии, всего народа, революции и нашей жизни — всё воплотилось в этом человеке, в образе, навсегда оставшемся в наших глазах.

Народ был сильно возбужден. Хотелось что-то кричать, мы были просто вне себя.

Все наконец утихли, начали садиться. Товарищ Сталин тоже сел. В это время из 7—8-го ряда партера, по проходу, который ведет к оркестру, побежала маленькая девочка и, приблизившись к сцене, звонким-звонким голосом крикнула:

— Спасибо товарищу Сталину!

Это было что-то потрясающее. Народ начал снова кричать, аплодировать, всех снова точно подхватил возглас малышки.

Когда все успокоились, начались снова приветствия. Мы смотрели на Сталина, нам хотелось запомнить, как он сидит, как смотрит, как поворачивает голову. Хотелось запомнить все до мелочей.

★

Когда, возвращаясь с Дальнего Востока, мы подъезжали к Москве, у нас было примерно такое же настроение, как три года назад в театре. Мы все время думали о том, что увидим товарища Сталина, представляли себе, как это произойдет. Всё заранее переживали, обсуждали. Особенно Полина Осипенко ни минуты не могла устоять на одном месте, она все время ходила. Если что-нибудь ей загораживало путь, она машинально отодвигала и продолжала шагать по коридору вагона. Взволнованная Полина просила нас еще и еще раз проверить, все ли в порядке: хорошо ли надета шапка, правильно ли завязан галстук...

Тут же, в поезде, приближаясь к Москве, мы обсуждали, кто из нас, если будет можно, сядет рядом с товарищем Сталиным, и решили, что сяду я, так как Полина и Валя были в гостях у Молотова и виделись там с Иосифом Виссарионовичем, а я в это время была больна и лежала в больнице.

До сих пор нельзя без волнения вспомнить, как встретила нас Москва. Наши родные, друзья и все москвичи, встретившие нас, как своих дочерей, и мы сами были как-то слиты одним большим чувством, название которому трудно дать. А когда мы подъезжали к Кремлю — как нам не терпелось! Все стучало и прыгало внутри...

Но вот и Кремль. Мы направились в Грановитую палату со своими ребятами, родителями, родными. По пути наши друзья летчики, с которыми мы вместе работали, учились, наперебой задавали нам вопросы, но мы ни о чем не могли тогда говорить.

Мы вошли. Там было уже немало народу. Встретили нас горячо и усадили за столами на передних местах, ближе всего к еще не занятому столу. Мы поняли, что за этим столом будут сидеть члены правительства, будет сидеть Сталин, и все время смотрели туда, даже стремились определить наглаз, на каком стуле сядет товарищ Сталин. Решили почему-то, что, наверное, сядет в середине.

Наконец мы увидели товарищей Кагановича, Ворошилова, Молотова, за ними вошел товарищ Сталин. Мы вскочили, как будто боялись, что Сталин нас не увидит. Я и Полина на секунду задержались, посмотрели на своего командира — Валю: бежать к столу или не бежать? Но, когда Сталин помахал нам рукой, мы кинулись к нему, нарушив всякую очередность экипажа. Вся сияющая, Валя обратилась к товарищу Сталину:

— Товарищ Сталин, разрешите вас поцеловать!

Он улыбнулся и спросил Ворошилова:

— Что же, разрешим?

Валя поцеловала товарища Сталина первая, затем Полина и я. А внутри у нас все горело от крайнего волнения.

Нам протягивали руки товарищи Ворошилов, Молотов. А я, как сейчас помню, все время думала: сяду я рядом с товарищем Сталиным, или Валя забудет о нашем уговоре? Я толкнула ее и говорю:

— Я сяду рядом с товарищем Сталиным.

— Садись.

Я стала рядом, не отхожу и думаю: он будет садиться, и я сяду. Потом спросила:

— Можно сесть рядом с вами?

— Пожалуйста, — ответил мне Сталин.

И я села между Сталиным и Ворошиловым: с правой стороны Ворошилов, с левой — Сталин, рядом со Сталиным — Молотов, потом Валя и Полина.

Как только мы сели, товарищ Сталин обратился в мою сторону. Он смотрел на меня слегка прищурившись, таким характерным, проникновенным взглядом и спрашивал: как я чувствовала себя в тайге, как там ночевала. А я была ошеломлена этой встречей, чувством, что товарищ Сталин сидит рядом, и совершенно ничего связного не могла ему ответить. С трудом подбирала слова, и, кроме: «Да, товарищ Сталин», «Нет, товарищ Сталин», у меня ничего не получалось.

Увидев, что я никак не могу притти в себя, товарищ Сталин завел за столом общий разговор. Я думаю, что он просто решил выручить меня и дать мне возможность оправиться. Через несколько минут товарищ Сталин спросил:

— Где же ваши ребята?

Мы показали, где сидит Валин Соколик, где моя Татьяна.

— Давайте их сюда, — сказал Сталин.

Ребята подбежали к столу. Товарищ Сталин привстал к ним навстречу, взял маленького Соколика на руки. Потом подбежала Таня. Сталин и ее усадил к себе на колени.

Дети на руках у товарища Сталина! Не только мы, матери, но и все остальные, не сводя глаз, смотрели на Сталина с ребятами на коленях.

Сталин среди детей на Щелковском аэродроме.

Соколик посидел немножко и убежал — он маленький еще, не понимает, а Татьяна прямо на Сталина смотрит, подает ему руку и здоровается.

— Ай, ай, ай, что ты мне сделала с рукой! — воскликнул Сталин и показал, что у него пальцы на руке склеились. — Как же я теперь буду работать!

Таня, поняв шутку, расшалилась, стала раздвигать ему пальцы и говорит смеясь:

— Нет, я вам руку не сломала!

Потом обращается к товарищу Ворошилову и говорит:

— А я видела вашу лошадь на параде...

Ворошилов рассмеялся и, обращаясь к товарищу Сталину, сказал:

— Она видела мою лошадь на параде, а меня не заметила.

— Нет, вы сидели на вашей лошади, а на другой — Буденный.

Все весело смеялись.

Я посадила Таню между собой и Ворошиловым. Она очень быстро освоилась. Если ей что-нибудь нужно было передать со

стола, она обращалась к товарищу Ворошилову таким тоном, словно это сидел ее папа.

Сталин начал рассказывать Тане о своей дочке Светлане. Говорил, что Светлана с первого класса учится отлично. Татьяна торопливо перебила:

— И я на «отлично» учусь.

Она пригнулась ко мне и на ухо спрашивает:

— А почему он такой простой, товарищ Сталин?

Я ничего не смогла ответить, кроме:

— Потому, что это товарищ Сталин.

Ответила я коротко, но Таня, кажется, поняла меня.

Моя дочка разговаривала с товарищем Сталиным просто, очень спокойно отвечала на все вопросы, и я подумала: почему же я не могу отвечать так же просто, как она?

Председательствовал за столом товарищ Молотов. Он приветствовал нас очень теплой речью, поздравил с перелетом и открыл ужин тостом за наше здоровье. Первой отвечала на приветствие товарища Молотова Валя Гризодубова. Как и все мы, она очень волновалась, говоря о большой заботе партии и правительства, давшей возможность совершить этот перелет, вырастившей советских девушек такими, что они могут так летать.

После Гризодубовой взяла слово Полина. Она подошла к репродуктору и заговорила деловито, важно, — она всегда так говорила, — а сама все время косилась одним глазом на товарища Сталина. Конца ее речи я уже не слышала, так как сама попросила слова и обдумывала, что я буду говорить. Очень многое хотелось мне сказать всем собравшимся и товарищу Сталину.

Я подошла к репродуктору. Рядом со мной стал товарищ Сталин. Я хотела ему и всем, кто сидел в зале, передать особенное спасибо за то, что меня одну искали в тайге, когда всех уже нашли. Из-за одного человека продолжали такие гигантские поиски! Товарищ Сталин лично следил, как велись розыски, давал самые конкретные указания, как искать, приказал выбросить десантников-парашютистов. Мне хотелось особенно поблагодарить товарища Сталина за такую заботу об одном человеке. Помнить стольких людей и каждого человека в отдельности, столько внимания уделить поискам одного советского человека! Невольно вся моя речь оказалась посвященной товарищу Сталину.

Я повернулась к нему лицом и говорила ему одному. Я говорила просто Сталину, а он, опустив глаза, смотрел на стол и слушал.

Когда я кончила, товарищ Сталин пожал мне руку, протянул мне стакан с вином, и мы чокнулись. Я снова села рядом со Сталиным. Но тут он поднялся и пошел к репродуктору. Стало совсем тихо.

Просто, с исключительной ясностью и остроумием товарищ Сталин рассказывал о матриархате: каким образом получилось, с точки зрения социальной и материальной, что ведущими были женщины, как произошел переход к земледелию и т. д.

— Вслед за матриархатом последовали годы угнетения, рабства, неравенства с мужчинами.

В заключение Сталин сказал:

— Вот сегодня девушки отомстили за все тяжкие века угнетения женщин.

И поднял бокал за наше здоровье.

Не выдержав, наши родные повскакали со своих мест, побежали к Сталину. Но он сам пошел к ним навстречу, чтобы чокнуться с ними. Потом возвратился к своему столу. Не скрывая счастливых слез на глазах, к Сталину подошла мать Полины Осипенко. Она передала ему подарок от земляков — колхозников Новоспасовки: большой альбом с рисунками прошлого и настоящего этого села. Она тоже многое хотела сказать Сталину, но не могла. Сталин поцеловался с ней, и старушка уже ничего не смогла выговорить...

Отец Гризодубовой, старый летчик, тоже попросил слова. Он говорил о том, с каким трудом удалось ему добиться возможности летать, сравнил старые самолеты с тем, на котором летала теперь его дочь. Но и у него не гладко шла речь. Я его поняла, я и сама была в таком состоянии, когда все мысли устремляются только к Сталину и нет слов для того, чтобы выразить то, что переживаешь в эти минуты...

Товарищ Сталин чокался и с каждым из тех, кто оказывал нам помощь в тайге: с летчиками, парашютистами, членами экипажа Сахарова, доктором Тихоновым.

Выступали с речами Герои Советского Союза — летчики. Все говорили главным образом о своих еще не совершенных перелетах — о будущем. Мы тоже попросили, чтобы нам разрешили совершить еще более дальний перелет. Сталин рассмеялся, ничего нам не ответил, но снова попросил у товарища Молотова слова. Это второе свое слово товарищ Сталин обратил к матерям и женам Героев Советского Союза. Он посоветовал им удерживать своих детей и мужей, чтобы они поменьше летали.

— Вот скажи Чкалову: облетите вокруг шарика, — он облетит три раза и будет хохотать. А шариком он называет земной шар.

И товарищ Сталин сказал, что советскому народу и ему, Сталину, дороже всего люди, что нам не так нужно иметь много рекордов, как нужно иметь много хороших, замечательных людей.

— Поэтому, — сказал товарищ Сталин, — мы будем вам мешать так часто летать.

Но после небольшой паузы с улыбкой добавил:

— Впрочем, будем, конечно, и помогать.

В перерывах между приветствиями и тостами товарищ Сталин расспрашивал меня о перелете. Меня больше всего поразило, как хорошо, во всех деталях знает он авиацию. Он расспрашивал о самолете «Родина» так, точно он был авиационным конструктором. Он называл все технические детали самолета именно так, как обычно их называют только летчики и конструкторы.

Товарищ Сталин подробно расспрашивал меня о внутреннем устройстве кабины. Он спросил, почему мне пришлось прыгать, чем это могло быть чревато.

Для меня, как и для всех летчиков, которым я рассказывала о полете и прыжке, было совершенно ясно, что иного исхода быть не могло: я должна была прыгнуть, так как моя кабина могла при посадке стукнуться носом. Между тем Сталин отнесся к этому совсем не так.

— Вам пришлось прыгать только из-за того, что не было прохода в заднюю кабину? — спросил он.

— Да.

— А зачем же строить такие самолеты, чтобы штурман был отрезан от всего корабля? Разве нельзя устроить проход?

Товарищ Сталин развивал мысль о том, какие нужно строить самолеты. Он обнаружил огромные познания не только в области нашей авиации, но и зарубежной. Он рассказал мне, как строят в Германии автожиры, упомянул о подробностях и деталях конструкций вертолетов. Он сказал, что у нас тоже строят вертолеты, которым для подъема и посадки достаточно совсем маленькой площадки, и добавил:

— Правда, в тайге очень пригодился бы такой вертолет?

Сталин начал обсуждать возможности применения автожиров в условиях трудных посадок в глухих районах, а я смотрела на него и думала: как же много он знает!.. Сколько ему нужно знать, если точно так он разговаривает с людьми самых разнообразных специальностей, с работниками самых различных областей хозяйства! Мне рассказывали артисты, что когда обсуждалась постановка оперы «Иван Сусанин», Сталин напевал напамять мотивы из «Сусанина». Абсолютно все отрасли, с какими бы ему ни пришлось столкнуться, он знает лучше, чем самые лучшие специалисты этих отраслей.

В разгар беседы я вдруг вспомнила:

— Валя, а трубка?

Валя сейчас же извлекла трубку из внутреннего кармана и передала Сталину этот подарок с Дальнего Востока. Эту трубку подарили нанайцы. Когда мы уезжали из Хабаровска, на вокзал пришли старые нанайцы. Один из них вынул из-за пазухи

И. В. Сталин.

сверток и бережно, старческими руками, очень трогательно передал Гризодубовой прекрасное изделие, настоящее произведение искусства — трубку из моржового уса, такого же размера и формы, как та, которую курит товарищ Сталин. На ней резная работа — картины промыслов нанайцев, рыбная ловля, охота. «Передайте эту трубку нашему Сталину», сказали старые нанайцы.

Товарищ Сталин взял в руки трубку, долго рассматривал ее, расспрашивал, какую помощь оказывало нам на Дальнем Востоке это разбросанное на большие расстояния население.

Мы снова вернулись в разговорах к Дальнему Востоку. Поразительно то, что Сталин знает всех летчиков, парашютистов, наиболее активных проводников, всех, кто нас разыскивал, — всех знает по фамилии. Он спрашивал почти о каждом. Мы — непосредственные участники перелета, нас разыскивали, нам помогали, но мы не помним фамилий всех принимавших участие в розысках. А товарищ Сталин знает и помнит о них всех. Он помнит, какой летчик, какой радист, какой механик принимал участие в операциях. Он спрашивал нас, кто из них приехал в Москву. Какую нужно иметь память, внимание, необыкновенную любовь к людям, чтобы все это помнить! Нужно действительно жить интересами всего народа, чтобы помнить стольких людей в отдельности.

В разгар ужина появился красноармейский ансамбль. Сталин и Ворошилов все время подпевали красноармейским песням, которые исполнял ансамбль.

Пришли дочери товарищей Сталина и Молотова, обе Светланы. Говоря о своей дочке, Сталин называл ее: «моя хозяйка». Словами трудно передать интонацию, с которой это произносилось. И мягкость, и материнская нежность к своему ребенку, и, может быть, гордость.

Играя с моей Татьяной, Сталин по одной доставал лежащие на столе гвоздики и отдавал ей. Постепенно у нее образовался целый букет гвоздики. Она держала его обеими руками и ни за что не соглашалась никому отдать свои цветы. Даже если ей хотелось достать какое-нибудь лакомство со стола, она отказывалась от него, только бы не выпускать из рук цветы.

Ужин тянулся очень долго и подходил к концу. Все чувствовали себя уже так просто, будто сидели в своей родной семье. Товарищ Сталин шутил, играл с ребятами. Разговоры шли простые, спокойные, жизнерадостные.

Однако этот вечер должен был все-таки кончиться.

Товарищ Сталин встал, попрощался с нами, пожелал нам успехов и прежде всего — отдохнуть. Мы смотрели вслед уходящему Сталину, аплодировали ему и взглядами благодарили за все, что он нам дал, и за этот замечательный вечер.

Мы возвращались домой счастливые и окрыленные. Образ Сталина стоял перед глазами каждого, и память непрерывно перелистывала одну за другой страницы этой замечательной встречи.

★

Через несколько дней нам позвонили днем и сказали, что товарищ Сталин просит нас в Кремль. Мы приехали втроем, и нас провели в рабочий кабинет товарища Сталина. Там были, кроме Сталина, Ворошилов, Молотов, Каганович, второй Каганович — Михаил Моисеевич, и еще несколько человек.

И тут, уже в деловой обстановке, товарищ Сталин попросил нас доложить в малейших деталях и подробностях о нашем перелете. Докладывала Валя Гризодубова, а мы дополняли, отвечая на вопросы. В этой деловой обстановке очень отчетливо, очень ясно встали перед нами величайшие познания товарища Сталина в области авиации.

Мы старались не упустить ни одного слова и ушли с багажом новых познаний, новых мыслей и установок.

Образ этого величайшего человека нашей эпохи, самого человечного из людей и самого умного и прозорливого из политических деятелей, всякий раз расширяется в моем сознании. Нельзя оставаться равнодушным в присутствии Сталина. Глубочайшую любовь и уважение, преклонение перед гением — вот какие чувства вызывает Сталин.

М. Раскова

УЧИТЕЛЬ И ДРУГ ХУДОЖНИКА

Меня побудила обратиться непосредственно к товарищу Сталину сумма обстоятельств, сложившихся перед постановкой фильма «Аэроград». Мне было очень трудно. И я подумал: один раз, в трудную минуту моей жизни художника, я уже обращался письменно к товарищу Сталину, и он спас мне творческую жизнь и обеспечил дальнейшее творчество; несомненно, он поможет мне и теперь. И я не ошибся. Товарищ Сталин принял меня ровно через двадцать два часа после того, как письмо было опущено в почтовый ящик.

Товарищ Сталин так тепло и хорошо, по-отечески представил меня товарищам Молотову, Ворошилову и Кирову, что мне показалось, будто он уже давно и хорошо меня знает. И мне стало легко.

Товарищи Сталин, Ворошилов, Молотов и Киров внимательно прослушали сценарий «Аэроград». Товарищ Сталин сделал ряд указаний и разъяснений. Из его замечаний я понял, что его интересует не только содержание сценария, но и профессиональная, производственная сторона нашего дела.

Расспрашивая меня о Дальнем Востоке, товарищ Сталин спросил, могу ли я показать на карте место, где я бы построил город, если бы был не режиссером, а строителем. Я ответил, что могу. Тогда он повел меня в свой маленький кабинет, увешанный картами. Я показал место и объяснил, почему я так думаю. Эта конкретная мысль выросла у меня на основе изучения Дальнего Востока, его хозяйства и перспектив, как я их себе представлял.

Мне до сих пор радостно вспомнить, что Иосиф Виссарионович меня об этом спросил. Я усмотрел в этом его уважение к новой роли советского художника.

Я ушел от товарища Сталина с просветленной головой, с его пожеланием успеха и обещанием помощи.

О втором посещении товарища Сталина я хочу написать подробнее. Я хочу, чтобы радовались и гордились мои товарищи по искусству, а чтоб наши враги и «нейтральные» призадумались. Товарищ Сталин вызвал меня к себе сам. Это было в разгар работы над «Аэроградом». У товарища Сталина, повидимому, шло заседание, и я вошел в кабинет во время перерыва, когда его в комнате не было. Через минуту-две вошел товарищ Сталин и прежде всего спросил, познакомился ли я уже со всеми. И только когда я ответил утвердительно, он стал очень внимательно расспрашивать о работе над «Аэроградом», о творческом самочувствии, о том, достаточно ли мне помогает Управление воздушными силами для съемки аэропланов. Одним словом, я почувствовал, что любая помощь для окончания фильма мне обеспечена. «Но неужели только для этого меня вызвали?» подумал я.

— А теперь я вам скажу, для чего я вас вызвал, — сказал мне товарищ Сталин. — Когда я говорил вам в прошлый раз о Щорсе, я это сказал в плане совета. Я просто думал о том, что́ вы примерно будете делать на Украине. Но ни мои слова, ни газетные статьи ни к чему вас не обязывают. Вы — человек свободный. Хотите делать «Щорса» — делайте, но если у вас имеются иные планы, делайте другое. Не стесняйтесь. Я вызвал вас для того, чтобы вы это знали.

Иосиф Виссарионович сказал мне это тихо и уже без улыбки, но с какой-то особенной внимательностью и заботой. Среди трудов огромной государственной важности товарищ Сталин нашел время вспомнить о художнике, проверить его душевное состояние, снять с него чувство хотя бы воображаемой несвободы и предоставить ему полную свободу выбора.

Я сказал товарищу Сталину, что готов делать именно «Щорса». Я благодарил его за идею, а себя не раз мысленно упрекал, почему я, украинский художник, не додумался до этого сам.

О Щорсе товарищ Сталин говорил мне много. С совершеннейшей ясностью он раскрыл мне различие между Щорсом и Чапаевым, разницу в обстановке, в которой сражались оба героя, и, следовательно, особенности творческих задач, стоящих при осуществлении фильма о Щорсе.

— Фильм о Щорсе, по существу говоря, мне представляется как фильм о восставшем украинском народе, о его победоносной борьбе с украинской контрреволюцией и немецко-польскими оккупантами за свое социальное и национальное вызволение, — говорил товарищ Сталин. — Показывая Щорса и его героев-соратников, нужно показать украинский народ, особенности его национального характера, его юмор, его прекрасные песни и танцы.

С большой любовью говорил Иосиф Виссарионович об украинских народных песнях. Он любит наши песни и глубоко их чувствует. Я знаю, что украинские песни, любимые товарищем Сталиным, — действительно лучшие песни. И тем, что сейчас идет собирание песен на Украине, организация хоров, выпуск нот, граммофонных пластинок, — одним словом, всем процессом развития народного искусства и искусства, близкого народу, мы обязаны прекрасной инициативе товарища Сталина.

Иосифу Виссарионовичу понравился фильм «Аэроград».

— Только старик-партизан говорит у вас слишком сложным языком, речь таежника ведь проще, — сказал он.

Товарищ Сталин предложил мне просмотреть с ним новый экземпляр «Чапаева». Несомненно, он просматривал свой любимый фильм не в первый раз. Но полноценность и теплота его эмоций, восприятия фильма казались неослабленными. Некоторые реплики он произносил вслух, и мне казалось, что он делал это для меня. Он как бы учил меня понимать фильм по-своему, как бы раскрывал передо мною процесс своего восприятия. Из этого просмотра я вынес очень много ценного и дорогого для себя в творческом плане.

— Вы смотрели фильм Чиаурели «Последний маскарад»?

— Нет, — ответил я.

Фильма моего друга Чиаурели я тогда еще не видел.

— Напрасно, вы посмотрите. Хороший фильм. Только его стоит посмотреть несколько раз.— И, обращаясь к товарищу Ворошилову, добавил: — Я вообще думаю, что хорошие фильмы нужно смотреть несколько раз. За один раз ведь трудно до конца понять все, что режиссер думал и хотел сказать на экране.

В конце первого посещения товарища Сталина я попросил у него разрешения изложить ему идею одного проекта, занимавшего меня очень долгое время. В основном идея сводилась к объявлению всемирного конкурса на постройку в Москве международного университета имени Ленина с преподаванием на различных языках для юношей всего мира. Чувствуя, что я уже отнял у товарища Сталина много времени, я говорил быстро и неясно, в общем плохо. Товарищ Сталин улыбнулся и остановил меня:

— Я вашу идею понимаю, она не нова. Мне об этом уже писали несколько ученых — наших и заграничных. Но по существу мы уже эту идею осуществляем в дифференцированном, так сказать, виде. Мы уже создаем Дворец политехники и Всесоюзный институт экспериментальной медицины. Этому институту мы придаем огромное, мировое значение. Мы ставим в нем на разрешение самые большие проблемы, вплоть до проблемы продления человеческой жизни...

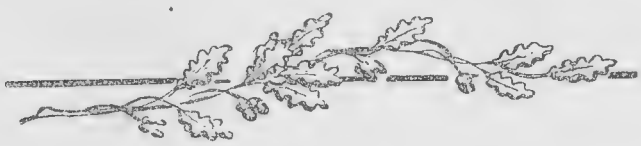
Сталин, Молотов, Калинин и Ворошилов (1936 год).

Товарищ Сталин на мгновение задумался.

— Вплоть до продления человеческой жизни, Довженко, — повторил он, улыбаясь, тихо и задумчиво.

Мне хотелось крикнуть: «Уверен!» Но я ушел тихо и на пороге еще раз поклонился ему, и Ворошилову, и Молотову, и Кирову. А на кремлевском дворе было солнечно, и вокруг холма Москва рокотала, и видимость была потрясающе ясной на все четыре стороны света.

А. Довженко



ОТКРЫЛ ПЕРЕД НАМИ ТВОРЧЕСКИЕ ПУТИ

Произошло это все для меня совершенно неожиданно и, может быть, поэтому еще более врезалось в памяти и оставило неизгладимый след.

Малый оперный ленинградский театр ехал в Москву на гастроли. Театр решил показать в Москве четыре советские оперы. Если сейчас это не является диковинкой и никого бы не удивило, то в то время — в 1935 году — это было событие исключительное.

Ехал театр с большим волнением. Не говоря уже о том, что всех интересовало, как воспримет и оценит Москва, передовая художественная общественность и непосредственно правительство, постановку, усилия театра над этими спектаклями, — интересовало вообще отношение к операм, созданным впервые, операм новым, не имеющим никаких традиций.

Поэтому волнение удваивалось, разрасталось. В еще большей мере волновались, естественно, композиторы.

Вез театр мою оперу «Тихий Дон», две оперы Желобинского и «Леди Макбет» Шостаковича.

Спектакли происходили в филиале Большого театра, их показывали разнообразным слоям общественности Москвы.

Один из спектаклей — «Тихий Дон» — был показан тогда сессии ЦИКа. Присутствовали многие члены правительства. Спектакль принимался очень хорошо — настолько хорошо, что я за него успокоился вполне.

Единственно, что нас волновало, — это то, что гастроли подходили к концу, а самого интересного для нас человека и его мнения не было еще.

Как мне помнится, 16 января был последний спектакль — ставили «Тихий Дон». Я пришел в театр ко второму акту. Первый попавшийся мне навстречу человек, кто-то из работников театра, всем своим видом и выражением лица сказал мне все: я понял, кто присутствует в театре.

Я быстро прошел в ложу директора и сразу увидел в ложе напротив знакомые лица — Сталина и Молотова.

Я был прикован исключительно к этой ложе и старался в сумерках зрительного зала уловить на лицах Сталина и Молотова какое-то выражение одобрения или порицания. Конечно, это было очень трудно, но мне казалось в разных местах — может быть, мне это моя фантазия подсказывала, — что я вижу выражение то одобрения, то порицания на лицах, вижу впечатление от спектакля.

Должен сказать, что присутствие таких зрителей страшно наэлектризовало актеров. Такого спектакля я не видел в театре ни разу: каждый делал чудеса в смысле выразительности исполнения.

После одной из самых эффектных сцен в картине — развал фронта — публика устроила авторам спектакля овацию. Мы вышли на сцену, и самый первый взгляд наш, конечно, был в ту ложу. И мы, к нашему счастью, увидели, что товарищи Сталин и Молотов стоят и вместе со всеми зрителями аплодируют нам. Мы почувствовали большое, огромное удовлетворение: наши творческие труды увенчались успехом, и Сталин, Сталин аплодирует нам!

Сильно возбужденные, мы собрались за кулисами. Обсуждали впечатления, обменивались мнениями. И вдруг подошел кто-то и попросил Самосуда зайти в ложу. Все мы страшно разволновались, так как ждали с минуты на минуту уже непосредственных впечатлений, которые принесет Самосуд.

Через несколько минут пригласили и меня. Я прошел в ложу и впервые в жизни встретился с товарищами Сталиным и Молотовым. Шел я, не чуя ног. Просто, я бы сказал, здóрово перетрусил, как в таких случаях бывает. Как говорить, как держаться, что делать — промелькнули все эти мысли. Но путь был короткий, и я так ничего и не решил.

И вот, когда Сталин и Молотов поздоровались со мною, эти размышления у меня разом отпали. Все было настолько просто, естественно и приветливо, что у меня всякого рода волнения исчезли, и я просто стал отвечать на вопросы, которые мне задавали.

Первый вопрос, который мне задал Иосиф Виссарионович: нравится ли мне моя опера? Так, полушутя. Я сказал, что да, действительно мне очень нравится моя опера.

Тогда товарищ Сталин спросил в том же шутливом тоне: что же, я так и не нахожу в ней никаких недостатков?

— Нет, — сказал я, — я вижу много недостатков.

— Какие же недостатки?

Я перечислил недостатки, которые мне стали ясны, особенно после постановки оперы на сцене.

Разговор касался вообще музыки, оперной классики. И вот, собственно, тогда, в этом разговоре, Иосиф Виссарионович и выразил мысль о том, не пора ли нам начать работать над собственной, советской классикой. В те времена Большой театр совсем не ставил советских опер. Ленинградский Малый оперный театр впервые поднял вопрос о создании советских опер на современную тематику.

Говорили о советской музыке и об отношении к новой музыке консервативных элементов.

Товарищ Самосуд рассказал, какую борьбу он выдерживал, ставя молодых, «зеленых» композиторов.

— Ну, это вам, наверное, старики мешали? — спросил Сталин. И сам ответил: — Наверное, старики.

Беседа продолжалась в течение всего антракта. Когда прозвучали звонки, призывающие к последнему акту, Сталин и Молотов пожали нам руки и пожелали дальнейших успехов. Нужно ли говорить о том, как мы сожалели о краткости антракта!

Эта встреча отразилась на всем моем дальнейшем творческом пути. Уверенность в том, что творческая линия, взятая в «Тихом Доне», при всех недостатках, неровностях — правильная и одобрена таким человеком, который для меня, как и для всех, является колоссальным авторитетом, дала мне возможность в очень короткий срок с большим подъемом работать над второй оперой — «Поднятая целина», по замыслу гораздо более трудной. Сама тема, по отзывам тех же «стариков», являлась неосуществимой. Но, плохо или хорошо, я скоро доказал, что эта задача может быть принципиально осуществима, и «Поднятая целина» вступила в свой третий сезон благополучно. Эта уверенность в правильности пути дает мне возможность работать и сейчас.

Я сейчас пишу «Волочаевские дни». Пишу с увлечением и подъемом, не забывая ни на минуту человека, воодушевившего меня, открывшего в свое время передо мною все творческие пути, — товарища Сталина.

Композитор И. Дзержинский

БУКЕТ ОТ ПИОНЕРОВ

Учусь я в 29-й школе Бауманского района. Перешла в пятый класс.

От нашего 128-го отряда КИМ в параде участвовала я одна. Несколько раз у нас были репетиции на стадионе Юных Пионеров и два раза на Красной площади. На репетициях мы готовили песни и все выступления для показа на Красной площади.

В день парада я проснулась утром в пять часов без пяти минут. С вечера просила папу и маму, чтобы они меня разбудили. Когда папа в половине шестого окликнул меня, я сказала, что уже не сплю. Встала, умылась, позавтракала, пошла за подругой, и вместе отправились в школу. Из школы мы все пошли на сборный пункт нашего полка. После завтрака гуляли, пели песни, танцовали. Около девяти часов утра нам роздали цветы, береты, ленты со значком Бауманского района. Потом со всем пионерским полком Бауманского района направились к Александровскому саду. Здесь был назначен сбор пионерской дивизии.

На всей Красной площади расположились московские пионеры. Я несла большой букет пионов и роз с красной лентой, который мне поручили передать пионеры своему любимому и родному Сталину. И после того как вся дивизия пионеров в один голос громко, на всю площадь сказала: «Привет родному Сталину!», я подошла к трибуне. Поднявшись по ступенькам, направилась прямо к нему. Все товарищи, которые там были, расступились. Передавая букет, я сказала: «Дорогому Иосифу Виссарионовичу...», но смутилась и немножко расплакалась. Я стояла очень близко к Иосифу Виссарионовичу и волновалась, что нахожусь с ним рядом.

Кто-то мне напомнил, что надо отдать букет. Тогда я передала его в руки Иосифу Виссарионовичу.

Он сказал мне:

Сталин подписывает свою фотографию — подарок пионерке Мамлакат Нахангновой.

— Успокойся немножко, а потом расскажешь нам, что тебе поручили передать пионеры.

Слева от товарища Сталина стоял товарищ Ворошилов, а справа — товарищ Каганович. Они сказали:

— Смотрите, делегат к нам пришел.

Потом я успокоилась. Иосиф Виссарионович спросил:

— Можешь сейчас рассказать, что тебе велели передать пионеры?

— Могу, — сказала я. — Дорогой Иосиф Виссарионович! Пионеры города Москвы поручили передать вам этот букет.

Он погладил меня по голове, поцеловал в щеку и сказал:

— Вот молодец!

После этого меня пригласили покушать. Я съела слоеный пирожок с мясом и черешни. Мне завернули сверток с черешнями и дали с собой. Я снова вернулась на трибуну и стала у барьера. По бокам стояли товарищ Ворошилов и Каганович, а посредине, сзади меня, товарищ Сталин. Товарищ Сталин подарил мне коробку шоколадных конфет.

Все время они между собой разговаривали о параде и физкультурниках.

Когда окончилось выступление и проходил Кировский полк, Иосиф Виссарионович спросил:

— Это ваш полк?

— Нет, вот наш, — сказала я, показывая на Бауманский полк пионеров.

— Как твое имя и фамилия?

Я сказала:

— Нина Здрогова.

— А папу как звать?

— Платон Алексеевич.

После этого Иосиф Виссарионович называл меня Нина Платоновна.

Когда окончился парад, Иосиф Виссарионович сказал мне:

— До свиданья. Смотри не забывай нас.

Я отдала ему салют, и, попрощавшись с ним, с Ворошиловым и Кагановичем, я сошла по ступенькам вниз, на площадку мавзолея. Здесь меня обступили. Фотографы стали снимать, а некоторые расспрашивать, о чем со мной говорил товарищ Сталин.

Теперь я хочу сказать еще вот что.

Сначала я волновалась, а потом, когда побыла рядом с товарищем Сталиным, увидела, какой он простой и ласковый, я совсем успокоилась и стала разговаривать.

Я буду рассказывать всем моим товарищам, какой ласковый и хороший товарищ Сталин. Я его очень люблю за то, что он много заботится о нас, детях.

Нина Здрогова

ПИОНЕРСКИЙ ПРИВЕТ СТАЛИНУ

Мне выпала большая честь — вместе с другими ребятами приветствовать XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) и ее вождя товарища Сталина от имени пионеров и школьников всего Советского Союза.

Нас было четыреста восемьдесят ребят. А коллективное приветствие должны были читать шесть человек. И я попала в эту шестерку.

Как я радовалась! Трудно об этом рассказать.

Наконец настал этот знаменательный день — 18 марта. Утром я вскочила рано и начала бродить по квартире. За что бы я ни бралась, ничего не выходило.

Когда я приехала в Дом пионеров, мы уселись и тихонько еще два раза повторили текст приветствия и потом, чтобы не вспоминать о предстоящем выступлении и не волноваться, начали рассказывать сказки, но они как-то не шли на ум.

В восемь часов усаживаемся в машины. Чтобы нас отвезти, понадобилось пятнадцать автобусов и несколько легковых машин. Ехали мы длинной вереницей, до того длинной, что все прохожие останавливались и смотрели на наш странный поезд.

Вот и ворота Кремля! Мы все очень волновались и поэтому не проронили ни слова.

Въехали в Кремль. Выбежали из машин, построились и пошли в Кремлевский дворец.

Нам не терпелось. Скорей, скорей!

Нам дали цветы. Каждому досталось по два больших букета. Мы с Люсей Ионовой сговаривались, кто кому отдаст свой букет, и не услышали команды.

Вдруг распахнулись двери и раздались звуки фанфар. А сердце так забилось, что я думала — оно у меня выскочит. Особенно я разволновалась, когда мы начали подниматься по ступенькам в зал. Я глазами начала искать товарища Сталина, и я увидела его. Он стоял за столом президиума, в серой тужур-

ке, простой и ласковый, улыбался такой доброй, нежной, ободряющей улыбкой, что я перестала волноваться. Вот он, дорогой Иосиф Виссарионович!

Я так обрадовалась, что не выдержала и подтолкнула шедшего впереди меня октябренка Шурика, чтобы и он тоже посмотрел на товарища Сталина. Он посмотрел и, не заметив ступеньки, шлепнулся, и его цветы рассыпались по полу. Мы и делегаты, стоявшие рядом, начали со смехом поднимать смутившегося и покрасневшего Шурика.

Из-за этого происшествия мы отстали от своей колонны и бегом бросились ее нагонять.

Когда мы взошли на трибуну, делегаты долго еще стоя нас приветствовали. Потом мы начали читать наше приветствие.

Мы передали от всех ребят Советского Союза делегатам XVIII съезда партии и товарищу Сталину наш горячий пионерский привет:

— Мы пришли сегодня сюда, чтобы в этот радостный день за все, за все, что дала нам наша великая родина, от самого сердца сказать искреннее пионерское спасибо нашей партии и любимому Иосифу Виссарионовичу Сталину.

...И кем бы мы в жизни ни стали,
И где бы наш путь ни лежал,
Мы будем такими, чтоб Сталин
Нам тоже спасибо сказал.

Каждая фраза нашего приветствия вызывала бурные, долго не смолкающие аплодисменты и дружное «ура» в честь товарища Сталина.

Каждый из нас, как только кончал свою фразу, повертывался к товарищу Сталину, стараясь на всю жизнь запомнить образ дорогого и любимого, родного человека.

Как только мы закончили приветствие, мы бросились к столу, чтобы передать букеты цветов товарищу Сталину и его соратникам.

Я передала свои букеты Вячеславу Михайловичу Молотову и Клименту Ефремовичу Ворошилову. Большой букет цветов передала товарищу Сталину самая маленькая в нашей делегации — октябренок Таня Ахапкина. Когда она подошла к товарищу Сталину, Иосиф Виссарионович обнял ее, поднял и поставил на стол президиума и начал вместе со всеми аплодировать.

Этот день произвел на меня неизгладимое впечатление, и память о нем останется у меня на всю жизнь.

Нина Молева

ИСТОРИЧЕСКАЯ

ОГЛАВЛЕНИЕ

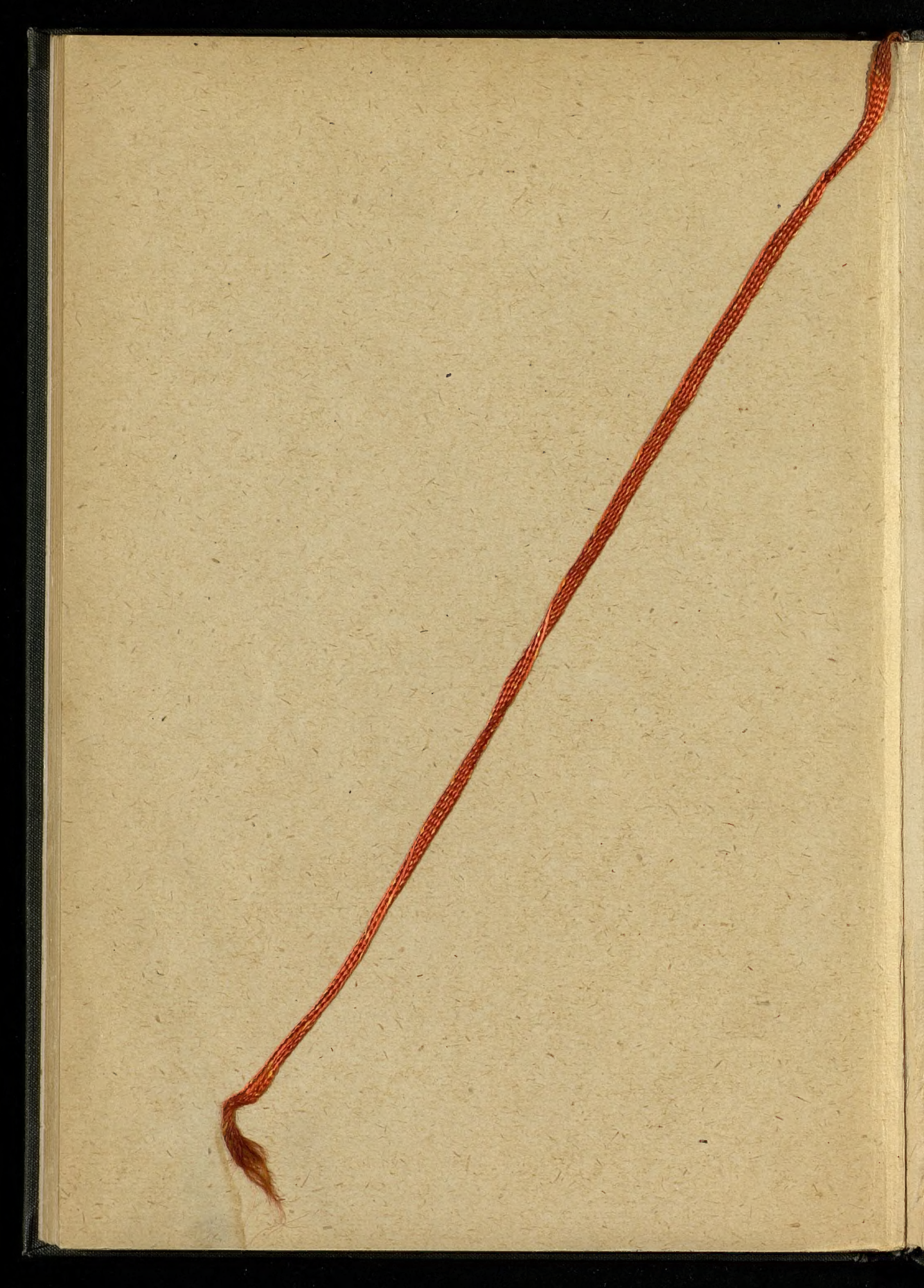
На школьной скамье. *Д. Гогохия* 3
В ночь на 1 января 1902 года. *Рассказ старых батумских рабочих о встрече с товарищем Сталиным* 9
Твердокаменный большевик. *С. Орджоникидзе* 17
Сталин и Красная Армия. *К. Ворошилов* 20
Большие горизонты. *Академик Бардин* 40
В Кремле со Сталиным. *И. Гудов* 44
Таким я его себе представляю *. *А. Стаханов* 47
Он прочитал мои мысли *. *И. Коробов* 60
Два дня моей жизни. *М. Дюканов* 64
Сталин хвалил нас, железнодорожников. *Б. Иванов* 66
В комиссии со Сталиным. *П. Кургас* 68
Я видел Сталина. (Из дневника.) *Г. Байдуков* 70
По Сталинским маршрутам *. *А. Беляков* 77
Самый человечный из людей *. *М. Раскова* 88
Учитель и друг художника. *А. Довженко* 98
Открыл перед нами творческие пути *. *И. Дзержинский* 103
Букет от пионеров. *Нина Здрогова* 106
Пионерский привет Сталину *. *Нина Молева* 109

Статьи, не отмеченные звездочкой, ранее публиковались в других изданиях. Отмеченные звездочкой статьи печатаются впервые.

ДЛЯ СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Ответственный редактор *И. Резникова.*
Художеств. редактор *П. Суворов.*
Переплет и титул *Б. Титова*
Технический редактор *З. Тышкевич.*
Корректоры *Е. Балабан*
и *Е. Трушковская.*
Сдано в производство 5/XI 1939 г.
Подписано к печати 3/XII 1939 г.
Детиздат № 2525. Индекс Д-7. Формат 72×110¹/₁₆. 7 п. л.+3 вклейки (7,26 уч.-авт. л.). 3,68 бум. л. 85376 зн. в бум. л.
Тираж 25.000. Уполномоченный Главлита А-20755. Заказ № 2046.

Фабрика детской книги Изд-ва детской литературы ЦК ВЛКСМ.
Москва, Сущевский вал, 49.



КОПИРОВАНИЕ

18.11.02.